

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

ГРУППА АНТИТЕРРОР

Сергей МОСКВИН

АГЕНТЫ
АЛЬ-КАИДЫ

Сергей Москвин
Агенты «Аль-Каиды»

«ЭКСМО»

2004

Москвин С. Л.

Агенты «Аль-Каиды» / С. Л. Москвин — «Эксмо», 2004

Смертники-шахиды во главе с матерым международным террористом Ахмедом аль Рубеи по липовым документам проникают в Россию. Здесь им предстоит грандиозная акция – захват ядерного реактора и шантаж мирового сообщества угрозой его взрыва... Российские спецслужбы смогли выявить отряд шахидов очень быстро. Но попытка их захвата в аэропорту закончилась трагедией – погибли опытные бойцы, а враги успели скрыться. Группа «антитеррора» в растерянности. Какой объект избрали для себя агенты «Аль-Каиды»? Нервы напряжены до предела – началось отчаянное противостояние. Ведь достаточно одного неверного шага, и произойдет катастрофа с непредсказуемыми последствиями... Роман издавался под названием «Миротворцы».

© Москвин С. Л., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

1. Оперативный состав	5
2. Кандидат на должность	11
3. Приказ президента	17
4. Исповедь на заданную тему	21
5. Сфинкс	26
6. В мастерской иллюзий	32
7. Несанкционированный контакт	34
8. Оперативные данные	37
9. Путь к цели	40
10. Исполнители	42
11. Сотрудник оперативного отдела	45
12. Капитан Овчинников	48
13. Прибытие	50
14. Овчинников	52
15. Прикрытие	55
16. Овчинников	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Агенты «Аль-Каиды»

Сергей Москвин

*Командирам и бойцам подразделения
специального назначения
«Вымпел» посвящается*

*В любое время, в любом месте, любую задачу.
(Девиз спецназа)*

1. Оперативный состав

Отдельный учебный центр управления «В» Центра специального назначения ФСБ РФ, Балашиха, Московская область, 5 марта, 14.15¹

По асфальтированным дорожкам учебного центра на разрешенных десяти километрах в час медленно ехала черная «Волга». В случае необходимости мощный форсированный двигатель мог легко развить скорость и до двухсот километров в час, хотя весила машина втрое больше базовой заводской модели. Сходство с горьковским оригиналом было лишь внешним. Во всем остальном это совершенно другой автомобиль. За внешней металлической обшивкой дверей и крыльев скрывались прочнейшие титановые пластины. Днище устилал десятисантиметровый пласт кевлара. Второй такой же пласт располагался между мягкой внутренней обшивкой и металлической крышей. Автомобильные стекла представляли собой многослойный стеклопакет в палец толщиной, обклеенный светоотражающей пленкой, не позволяющей снаружи заглянуть в салон. Колесные диски были снабжены устройством подкачки шин и системой впрыска быстро отвердевающего полимерного состава для заполнения возможных пробоин автомобильных покрышек. Все эти меры были призваны обезопасить водителя и пассажиров машины от интенсивного огня стрелкового оружия, осколков противопехотных и минометных мин, ручных и реактивных гранат и позволить покинуть зону обстрела. Для вызова подкрепления, боевого охранения, группы эвакуации или просто отдачи экстренных приказов в машине была установлена система кодированной радиосвязи, исключающей возможность радиоперехвата и их дешифровки. Для отражения внезапного огневого нападения в кузове машины были проделаны открываемые бойницы, а под сиденьями водителя и пассажиров неизменно находились четыре специальных девятимиллиметровых автомата с полным боекомплектом.

Но сейчас стекло сидящего на заднем сиденье пассажира было чуть опущено, и через приоткрытое окно проникал прозрачный весенний воздух. Сейчас можно было не опасаться нападения, потому что вокруг были друзья. Сидящий за рулем водитель неторопливо крутил баранку. Расслабился и подобрел лицом расположившийся на переднем сиденье адъютант-телохранитель. А сидящий за его спиной плотно сбитый сорокапятилетний мужчина откинулся на отнюдь не мягкое, а достаточно упругое кожаное сиденье и с удовольствием вдыхал запахи тающего снега и прелой прошлогодней травы, обнажившейся на проталинах. Легкий ветерок обдувал его коротко подстриженные седые волосы.

¹ Здесь и далее указано местное время той области или населенного пункта, где происходят описанные действия.

В жизни ему приходилось дышать смрадом камбоджийских и никарагуанских болот, вдыхать каменную пыль афганских гор и раскаленный воздух ливанской пустыни. Он на себе испытал, как разъедает глаза и кожу едкий дым горящей нефти, вытекающей из взорванных резервуаров грозненской нефтебазы, как наливается свинцом голова и слипаются веки от смрада пылающих плантаций опийного мака в горных долинах Афганистана, как прожигает экипировку капающий с ветвей никарагуанских джунглей горящий напалм. За двадцать лет службы в частях специального назначения генерал-майор Углов хорошо узнал, что такое запах крови, хлещущей из раны простреленного тобою навывлет или насаженного на боевой нож врага. Но сейчас генерал Углов ни о чем не вспоминал, просто радовался встрече со своими старыми и новыми друзьями.

Они отвечали ему тем же. Увидев приближающуюся машину начальника управления, офицеры останавливались и, отдав честь, приветствовали командира подразделения сдержанными, но от этого не менее радушными улыбками. Для всех бойцов и командиров управления «В», как в официальных документах ФСБ именовалось созданное еще в 1981 году легендарное подразделение «Вымпел», генерал Углов был своим. И все без исключения бойцы «Вымпела», от новичков до ветеранов, воспринимали его прежде всего как боевого товарища и уже затем как командира.

Владимир Углов пришел в создаваемый в системе КГБ совершенно секретный отряд специального назначения для проведения операций за пределами СССР в «особый период» с первым призывом еще старшим лейтенантом и с тех пор ни разу не изменял ему. Даже когда в 1994 году уникальное диверсионно-разведывательное подразделение передали в структуру МВД, он не ушел из отряда, не бросил «Вымпел» и всячески подбадривал оставшихся в отряде бойцов. Остался, хотя многие офицеры, оскорбленные непониманием и безразличием к судьбе отряда со стороны руководства страны, уходили из «Вымпела» в другие силовые структуры или вообще увольнялись со службы. Верность Углова родному подразделению оценили и офицеры «Вымпела», и руководство Федеральной службы безопасности, когда назначило его командиром вновь возвращенного в ФСБ отряда...

«Волга» начальника управления проехала мимо общежитий и офицерских казарм жилого городка, миновала корпуса учебных классов, крытый бассейн для тренировок боевых пловцов, построенный по принципу бомбоубежища подземный тир для стрельбы из различных видов оружия и свернула к открытому стрельбищу, но, не доехав до него, притормозила у полигона с различными типами полос препятствий. По приказу генерала водитель остановил машину у наблюдательной вышки, возле которой прогуливались четверо молодых офицеров, одетых в зимнюю полевую форму, в звании от капитана до майора. «Призывники», – мысленно заметил генерал Углов, взглянув из окна машины на сосредоточенно расхаживающих у наблюдательной вышки офицеров. Ветераны «Вымпела» таким словом называли всех бойцов последнего призыва, независимо от их воинских званий. Пройдет год или два, в отряд придут новые бойцы, и пополнение предыдущего призыва перейдет в разряд «стариков», а до этого момента им всем именоваться «призывниками». Командир «Вымпела» знал, что все без исключения бойцы последнего призыва прошли через Чечню. Одни побывали там еще во время службы в своих прежних подразделениях, другие оказались там уже в качестве бойцов «Вымпела». Но таких в последнем призыве было немного. С момента создания «Вымпела» в отряд набирали только лучших из лучших. А настоящие солдаты никогда не пытаются отсидеться в тылу, если в стране идет война. И неважно, как она называется: контртеррористической операцией или локальным вооруженным конфликтом. Если Отечество в опасности, солдат идет его защищать, если он, конечно, настоящий солдат. Во всяком случае, так считал генерал Углов, хотя у многих нынешних российских военачальников его откровенная убежденность могла вызвать лишь улыбку.

Открыв дверь, командир «Вымпела» легко выбрался из машины. В кругу друзей он мог позволить себе небольшое отступление от правил безопасности: выйти из машины раньше телохранителя. Генерал-майор Углов и сам по себе представлял весьма грозную боевую единицу и лет пятнадцать назад приравнялся к мотопехотному взводу вероятного противника. С той поры немало воды утекло. Владимир Углов сменил майорские погоны на погоны генерал-майора, но и сейчас он мог вести одновременный бой с несколькими хорошо вооруженными противниками. Причем при отсутствии у этих противников специальной диверсионной подготовки победа однозначно осталась бы за сорокапятилетним генералом.

При виде выбравшегося из подъехавшей «Волги» генерала бойцы у смотровой вышки синхронно замерли по стойке «смирно». Единственный среди них майор собрался отрапортовать начальнику, но его опередил стремительно вышедший из дверей смотровой вышки полковник:

– Четвертая оперативно-поисковая группа прибыла для выполнения практических занятий на полосе препятствий.

– Товарищи офицеры! – приветствовал командир отряда собравшихся у полигона бойцов, после чего пожал руку командующему ими полковнику, являющемуся начальником оперативного отдела управления «В» и одновременно одним из преподавателей учебного центра.

– Разрешите начать занятие, товарищ генерал?! – по уставу обратился полковник-преподаватель к прибывшему в учебный центр командиру «Вымпела».

Полковник Бондарев и генерал-майор Углов знали друг друга без малого пятнадцать лет. Долгое время, до того как Углов был назначен командиром отряда и получил вышитую звезду на беспросветный погон, оба ходили в одном звании. Поэтому между собой, даже в присутствии других офицеров, разговаривали на «ты». Однако сейчас, чтобы подчеркнуть важность момента для собравшихся на полигоне бойцов «Вымпела», Бондарев избрал официальный тон.

– Приступайте! – Углов утвердительно кивнул головой.

Они дружили семьями, хотя и внешне, и характером мало походили друг на друга. Углов – поджарый и подтянутый, с отточенно быстрыми порывистыми движениями и пронизательными глазами на сужающемся к подбородку лице. Бондарев, на полголовы ниже своего начальника, но шире его в плечах и бедрах, имел типичную коренастую фигуру борца. Из-за своей крупной, бритой почти налысо головы, короткой мускулистой шеи и широкого округлого лица он производил впечатление медлительного увальня, что являлось в корне неверным. Мастер спорта по самбо Бондарев одно время прочно удерживал звание лучшего рукопашника подразделения. Несмотря на свою стремительную реакцию, полковник Бондарев был ярким противником поспешных действий и никогда не торопился с принятием решений. Он обладал вдумчивым умом и мог держать в голове множество мельчайших деталей, поэтому спланированные им операции отличались исключительной продуманностью и поразительной слаженностью действий всех участвующих бойцов. Зная не понаслышке хватку своего старого друга, Владимир Углов, возглавив «Вымпел», назначил полковника Бондарева начальником оперативного отдела.

– Майор Аникин, капитан Федотов, на исходный рубеж! – распорядился Бондарев, обернувшись к офицерам, и, взяв прибывшего начальника под локоть, уже другим тоном сказал: – Пошли посмотрим.

– Что ты меня, как девку, за руку поддерживаешь?! – тихо, чтобы не услышали оставшиеся на месте бойцы, возмутился командир подразделения. – Или боишься, что я на лестнице ноги переломаю?!

Бондарев убрал руку и сдержанно усмехнулся. Ему всегда нравился незамысловатый и откровенный, как и сам начальник подразделения, генеральский юмор. Впрочем, полковник и сам не остался в долгу:

– Ну да. Ты в госпиталь. Меня на твое место исполняющим обязанности. А я командовать страсть как не люблю.

Последняя фраза была произнесена, когда Бондарев вслед за Угловым вошел внутрь выстроенной на границе полигона башни и по крутой железной лестнице начал подниматься на смотровую площадку, расположенную на высоте десяти метров от земли. Офицеры уже заняли обозначенные позиции на исходном рубеже. Убедившись в этом, Бондарев взял с полки потерянный и местами поцарапанный, но вполне исправный морской бинокль и протянул его Углову:

– Надо?

– У меня свой, – с наигранным высокомерием ответил начальник управления и извлек из захваченного из машины матерчатого чехла натовский полевой бинокль, столь любимый за свою компактность в диверсионно-разведывательных подразделениях.

Углов поднес бинокль к глазам, и замершие вдалеке человеческие фигурки приблизились настолько, что командир отряда смог разглядеть выражение их лиц.

– Давай сигнал, – обратился он к стоящему рядом преподавателю.

Бондарев взял в руки сигнальный патрон и, отвинтив с него металлический колпачок, дернул за капроновый шнур. С оглушительным свистом над смотровой вышкой взвилась в небо сигнальная ракета, и выжидавшие на старте бойцы устремились вперед по двум параллельным маршрутам трехкилометровой полосы препятствий. Продолжая следить за бегущими по изобилующему ловушками и преградами полигону офицерами, Углов спросил:

– Полагаю, ты уже определил кандидатов на роль командира группы.

Бондарев хитро улыбнулся и утвердительно кивнул, но, сообразив, что начальник не видел его жест, поспешно сказал:

– Федотов и Овчинников.

– Овчинников – это тот, кто участвовал в освобождении траулера, мастер спорта по парашютному спорту? – вспомнил генерал. – Грамотный и отлично подготовленный офицер.

– Прикажете отменить проверку?

Отняв от глаз бинокль, Углов повернулся к начальнику отдела:

– Значит, считаешь – Овчинников недостойн?

– Почему, – возразил Бондарев. – Они все достойны. Поэтому и проводится проверка, чтобы выбрать лучшего.

Командир подразделения задумчиво покачал головой, затем вновь вернулся к наблюдению за тем, что происходило на полигоне. Испытуемые только что преодолели «лесные завалы» и приступили к форсированию стремительной «горной реки». Капитан Федотов на несколько метров опережал своего соперника. Вновь опустив бинокль, генерал Углов неожиданно сказал:

– Ты знаешь, американцы вновь отказали нашим в выдаче Мартынова. Заявили, что российская прокуратура не представила достаточных доказательств для его ареста и экстрадиции.

– Шантаж, вымогательство, организация заказных убийств и захвата гражданского судна – всего этого американцам мало?! – возмутился Бондарев.

Генерал Углов грустно усмехнулся:

– В Лос-Анджелесе Мартынов живет, как добропорядочный гражданин. И американцам нет дела до того, что он совершил в России.

– Конечно, они ведь мнят себя хранителями «демократических ценностей», защитниками прав и свобод личности. Только трактуют их так, как им в данный момент удобно, – Бондарев тяжело вздохнул. – Прокуратуре надо было арестовать Мартынова еще тогда, когда его бандиты захватили траулер, а не дожидаться, когда он выедет в Штаты, чтобы потом добиваться от американцев его экстрадиции. Организация вооруженного захвата судна, разве это не повод для ареста?! А то что получилось: наши парни отбили траулер у мартыновских бандитов, освободили команду и сдали пиратов следователям, а те их на третий день выпустили! Согласно протоколу вместо автоматов, которые наши парни у них изъяли, они были воору-

жены помповыми ружьями, заметь, принадлежащими им на законном основании. Вооруженный захват траулера превратился в конфликт за право собственности. В итоге, натуральные пираты оказались на свободе, а их организатор преспокойно убыл в США и живет там, судя по всему, припеваючи.

– У меня вообще создалось впечатление, что мартыновские бойцы не хотели выходить на свободу, пока наше подразделение не вылетело из Владивостока обратно в Москву, – заметил генерал Углов.

– Потому что только нас и бояться! А на закон и следствие плюют! – поддержал его Бондарев. – Ладно, хватит об этих мерзавцах. Дай срок, они за все ответят. Посмотрим лучше, что у нас делается на полигоне.

Он приложил к глазам морской бинокль, который перед этим предлагал командиру отряда. Углов вновь воспользовался привезенным с собой натовским биноклем. Оба начальника увидели, как по натянутому тросу Федотов и Аникин преодолели заполненный водой ров и нырнули в лабиринт, состоящий из сваренных между собой стальных труб и переплетений колючей проволоки. Отрыв Федотова сократился до минимума. Но когда капитан уже вырвался из лабиринта, а майору оставалось преодолеть последние метры, за его спиной с резким воем взвилась в небо красная сигнальная ракета. Полковник Бондарев повернулся к начальнику управления:

– Майор Аникин подорвался на установленной растяжке и выбывает из дальнейшей борьбы.

Командир «Вымпела» лишь молча покачал головой.

Через несколько минут капитан Федотов закончил прохождение полосы препятствий. Вслед за ним финишировал и майор Аникин, крайне раздосадованный своим результатом. Подрыв не замеченной им сигнальной мины лишил его всякой надежды возглавить оперативно-поисковую группу.

– Кирсанов, Овчинников, на исходный рубеж! – объявил начальник оперативного отдела, перегнувшись через ограждение смотровой площадки.

Двое ожидавших своей очереди офицеров бегом отправились к началу полосы препятствий. Бондарев подождал, когда они займут исходные позиции, после чего взял в руки еще один сигнальный патрон и, дернув за шнур, выпустил в небо очередную красную ракету. Два капитана на исходном рубеже сорвались с мест и устремились к финишу. Капитан Овчинников уже на первых метрах вырвался вперед, и по мере преодоления полосы его отрыв постоянно увеличивался. Генерал Углов с явным удовольствием наблюдал за ним. Когда Овчинников добежал до заполненного водой рва, его отрыв от соперника составлял более ста метров. Он ловко обвил ногами натянутый над водой трос и, интенсивно работая руками, заскользил по нему на противоположный берег. Спрыгнув на землю и оказавшись перед «лабиринтом», он сместился на несколько метров влево, затем вправо и, очевидно, наметив себе маршрут, нырнул в хитросплетение стальных труб, колючей проволоки и растяжек сигнальных мин. Наблюдающий за ним начальник управления затаил дыхание. Лавируя между препятствиями, капитан Овчинников уверенно продвигался вперед. И когда он, не потревожив ни одной сигнальной мины, вырвался из лабиринта, генерал Углов облегченно перевел дыхание. За стальным лабиринтом, который бойцы «Вымпела» прозвали «паутиной», находился макет полуразрушенного двухэтажного деревянного дома, где по шатким деревянным конструкциям нужно было взобраться на второй этаж, а затем спрыгнуть оттуда вниз, на утрамбованный до состояния камня снежный наст. С внешней легкостью Овчинников преодолел и это препятствие и, спрыгнув с полуразрушенных стропил, перекувырнулся через плечо, чтобы смягчить удар о землю, и вновь оказался на ногах. Когда он, безупречно пройдя все препятствия, наконец финишировал, опередив своего соперника почти на целую минуту, командир «Вымпела» с довольным видом повернулся к начальнику оперативного отдела:

– Овчинников на тридцать секунд улучшил время Федотова.

– На тридцать четыре, если быть точным, – с невозмутимым видом поправил его полковник Бондарев. – Но на заключительном этапе соревнуются двое кандидатов, прошедших полосу препятствий без ошибок и показавших на финише лучшее время.

– Федотов и Овчинников?

Начальник оперативного отдела утвердительно кивнул.

– Ладно, командуй, – согласился Углов. – Я подожду здесь.

Оставив командира наверху, Бондарев спустился к подножию смотровой вышки и, дождавшись возвращения второй пары проходивших полосу препятствий офицеров, распорядился:

– Капитан Федотов, капитан Овчинников, полоса номер три. Снаряжение: автоматы «вал», высотная экипировка, муляжи ножей. Напоминаю: при опоздании кандидата более чем на тридцать секунд на ножевой спарринг он считается проигравшим. Все, получайте снаряжение и на исходную. Старт через три минуты.

Получившие последние указания капитаны бегом бросились на пункт выдачи снаряжения и боепитания. Начальник отдела с улыбкой посмотрел им вслед, а затем направился к смотровой вышке.

2. Кандидат на должность командира оперативно-поисковой группы капитан Овчинников

*Тренировочный полигон Центра
спецназначения ФСБ, Балашиха, 5 марта. 14.50*

В первую пару Бондарев поставил Вальку и Дмитрия Аникина. Я, конечно, болел за Вальку и, когда он, в отличие от Дмитрия, безошибочно прошел «паутину», радовался его победе, как своей собственной. Правда, когда я сам обошел на полосе Сашку Кирсанова, то понял, что в финале мне будет противостоять очень серьезный соперник.

С Валькой Федотовым я познакомился без малого два года назад, когда пришел в «Вымпел». Он уже служил в отряде, правда, всего несколько месяцев. Можно сказать, мы с ним из одного призыва. При нашей первой встрече он мне совсем не понравился: задумчивый, хмурый. Мне больше по душе веселые, жизнерадостные мужики. Я и сам такой. Но когда мы с Валькой оказались в одной казарме, на соседних койках, я узнал, какой это замечательный парень. На тренировках, особенно в первые дни, мы все уделялись, как бобики. А когда возвращались в казарму, меня начинала грызть досада, оттого что не могу уложиться в элементарный норматив, который «старики»-вымпеловцы выполняли, казалось, вообще без напряжения. А ведь в своем воздушно-десантном полку я считался лучшим командиром взвода. От отчаяния я уже готов был подать рапорт о переводе в прежнюю часть и, наверное, так и сделал, если бы не Валька. Это он сумел внушить мне веру в себя. Заставил обидеться на себя, на свое нетерпение, на свою слабость и в конце концов победить – взять, вытянуть этот проклятый норматив и встать в один строй с ветеранами «Вымпела».

А потом нас отправили в Чечню. Для меня это была уже третья командировка к «духам», но то, чем мне приходилось заниматься в Чечне и как командиру десантного взвода, и как замку² разведроты во время двух предыдущих командировок, по сложности задач не шло ни в какое сравнение с заданием «Вымпела». Прежде мы охраняли автоколонны, проводили зачистки да несколько раз высаживались с «вертушек» на горные базы и лагеря боевиков. Задача «Вымпела» оказалась предельно конкретна – очистить Грозный от вражеских диверсионных групп. Вот так, ни много ни мало! Я к тому времени был уже не новичком на чеченской войне (как-никак два раза по полгода провел на блокпостах, в рейдах, секретах и дозорах) и кое-что понимал. Как, например, то, что самое опасное место для наших войск – это Грозный. Вся остальная территория республики распределена между чеченскими тейпами. Жители каждого села за свой район отвечают, так уж повелось исторически. А Грозный интернационален, он ничей. Поэтому там и собираются самые разные бандиты. В родном районе они пакостить остерегаются, чтобы своих родственников и односельчан не подставлять, а в ничейном Грозном это можно делать практически безнаказанно. Опять же Грозный – это сосредоточение наших войск и органов государственной власти, что в сочетании с обилием полуразрушенных жилых зданий, соединяющихся подвалов, всевозможных туннелей, где можно укрыться, делает его крайне привлекательным местом для проведения терактов.

Прибывшую в Чечню часть отряда командование группировки разместило на военной базе в Ханкале, откуда мы и отправлялись в рейды на Грозный. Бондарев (он тогда командовал

² Замок – зам. командира (армейский жаргон).

нашим подразделением) разбил городские кварталы на сектора и в каждый сектор направил по одной оперативно-поисковой группе. Мы с Валькой попали в одну группу. Кроме нас, там были еще два «старика»-ветерана. Наша группа «чистила» сектор в районе промзоны. Жилых зданий там практически нет, одни полуразрушенные цеха. И вот в этих цехах объявился чеченский снайпер, не боевик с винтовкой «СВД», а именно снайпер-профессионал. Он обстреливал проходящие через промзону автомашины и охотился за пешими военнослужащими. Нашим ни разу не удалось засечь его огневую позицию, в то время как он за неделю убил шестерых: четырех солдат и двух офицеров – капитана и подполковника. Скрывался он мастерски. Но мы за три дня поисков все же отыскали в развалинах его следы, а затем и несколько замаскированных лежек. Просчитали тактику бандита: он ночью, под прикрытием темноты, пробирался на выбранную позицию, тщательно маскировался и ждал утра. Когда с рассветом в городе возобновлялось движение, он выбирал цель, как правило, первым же выстрелом убивал выбранную жертву и по подвалам тут же уходил в свое долговременное убежище, которое скорее всего находилось совсем в другом районе. В результате никакие, даже самые оперативно организованные облавы уже ничего не давали. Вместо показавших свою неэффективность облав мы решили применить тактику засад. Присмотрели несколько точек, наиболее выгодных для ведения снайперского огня, поблизости оборудовали свои схроны и стали ждать. Ночь и первую половину дня караулим, а после обеда отсыпаемся (чеченский снайпер в это время никогда не стрелял), а с вечера опять на своих местах. Вот тогда я и узнал, что такое настоящая засада. По двенадцать часов приходилось неподвижно лежать на острых кирпичках. А схрон узкий: не пошевелиться. Да и нельзя, чтобы случайным шорохом своего присутствия не обнаружить. Опять же из-за тесноты наших убежищ мы отказались от громоздких автоматов и отправлялись в секрет, имея при себе только бесшумный «ПСС»³ да по паре осколочных гранат.

Мы с Валькой контролировали второй этаж полуразрушенного заводского цеха. По центру цеха обрушились потолочные перекрытия, разделив все пространство второго этажа на две части. Наши наблюдательные позиции располагались с разных сторон завала, примерно в тридцати метрах друг от друга. «Старики» располагались в соседних помещениях. И вот на четвертый день около трех утра я услышал хруст шагов по осыпавшейся со стен штукатурке. Судя по всему, идущих было трое или даже четверо, и направлялись они к срединному завалу. Видеть их я не мог, так как контролировал выходящие на улицу оконные проемы, а повернуть голову не решался, чтобы ненароком не обрушить какой-нибудь маскирующий мой схрон камень или осколок кирпича. Можно было не церемониться, если бы знать заранее, что это боевики. А я отнюдь не был в этом уверен. В цех могла забрести какая-нибудь, вроде нашей, разведгруппа, хотя по договоренности с командованием федеральных сил никаких других групп, кроме нас, в районе промзоны в эту ночь не должно было быть. Но помимо федеральных войск в Грозном размещаются и милицейские части, и спецназ Минюста, и оперативники ФСБ. Так что эти трое или четверо могли оказаться кем угодно. А ожидаемый нами снайпер должен был прийти один. Во всяком случае, так мне казалось. Поэтому я лежал тише мыши, напряженно прислушиваясь к раздающимся по соседству шорохам. Судя по звуку шагов, группа разделилась: двое из пришедших повернули назад, а третий направился в сторону окна – моего окна. Когда он вошел в мой сектор обзора, я сразу понял, что передо мной боевик. Он был в камуфляже и с зеленой повязкой поперек головы. В предрассветных сумерках невозможно было разобрать ее цвет, но я сразу понял, что повязка именно зеленая. В правой руке боевик бережно держал обмотанную тряпками «эсвэдэшку». Так бережно держит оружие только снайпер, потому что от исправности и надежности оружия зависит его жизнь. Снайпер остановился возле оконного проема, как раз напротив меня, постоял несколько секунд, примериваясь к огневой позиции,

³ «ПСС» – пистолет самозарядный специальный, калибра 7,62 мм, для стрельбы специальными поршневыми патронами «СП-4», обеспечивающими бесшумную и беспламенную стрельбу за счет запираания пороховых газов внутри гильзы.

потом расстелил перед окном принесенный с собой поролоновый мат, бросил на него армейский бушлат и уселся сверху, подогнув под себя колени. Наступил самый выигрышный момент для нападения, потому что чеченский снайпер оказался развернут ко мне спиной. Я вскочил из своего укрытия, сбросив с себя плащ-палатку вместе с осколками устилающего ее битого кирпича и одновременно выдернув из кобуры пистолет, и, пока снайпер не успел подняться с колен, всадил ему в спину, над правой лопаткой, десятиграммовую пулю из своего «ПССа». Снайпера швырнуло на стену, и он сполз по ней, заваливаясь на правый бок, что соответствовало проникающему ранению в правую верхнюю часть спины. Но, заметив это, я ощутил стремительное движение слева от себя, а скосив глаза в сторону, увидел здорового бородатого чеченца, разворачивающего в мою сторону ручной пулемет. Достать пулеметчика я никак не мог. Ствол его пулемета уже глядел мне в живот, в то время как моя рука с зажатым в ней пистолетом по-прежнему была направлена на поверженного снайпера. Я сделал единственное, что мне оставалось: упал на пол и покатился к противоположной от меня стене. Я выиграл лишь несколько мгновений, потому что спастись на открытом пространстве от пулеметной очереди нет никакой возможности – пулеметчик все равно тебя достанет. Ночную тишину расколол грохот выстрелов. Но внезапно пулеметная очередь захлебнулась, и в наступившей тишине я услышал, как лязгнуло ударившееся о бетон оружие, а затем и шмякнулось на пол тело чеченского боевика. Еще не до конца веря в свое спасение, я приподнялся с пола и увидел Вальку Федотова с пистолетом в правой руке.

– Эх ты, снайпера снял, а пулеметчика из его боевого охранения у себя за спиной пропустил, – насмешливо сказал он.

– На тебя понадеялся, – отшутился я, хотя следовало признать допущенную ошибку, которая едва не стала для меня роковой.

Это действительно чудо, что Валька успел разделаться с незамеченным мной пулеметчиком прежде, чем тот расправился со мной. Ведь пулеметчик располагался на моей территории, и Вальке пришлось перемахнуть через завал, чтобы застрелить его. Как бы там ни было, он сделал это и тем самым спас мне жизнь.

Оставшихся двоих боевиков из группы прикрытия снайпера в ту же ночь взяли «старрики»-вымпеловцы. Эти боевики вместе с захваченным нами снайпером потом много чего интересного рассказали на допросах о тактике действующих в Грозном диверсионных групп, об их убежищах и тайниках, где хранилось оружие. В общем, направленное в Чечню подразделение «Вымпела» выполнило поставленную ему боевую задачу и вернулось на базу отряда до следующей командировки. Потом были другие командировки и другие задачи, как, например, освобождение захваченного бандитами в Японском море рыболовного траулера. И везде мы с Валькой были вместе, всюду прикрывали друг друга, и вот сошлись на полосе препятствий, чтобы бороться за право возглавить оперативно-поисковую группу...

Я покосился на Вальку. Он стоял в десяти метрах, слева от меня, как обычно, спокойный и сосредоточенный. Не знаю, что в эти последние секунды перед стартом творилось в его душе, я же страшно волновался. Погладил перевешенный на грудь автомат, поправил бухту капронового фала и ремни высотной обвязки у себя за спиной. Все подогнано и не болтается, значит, не будет мешать во время бега. Но где же сигнал?.. И вот над наблюдательной вышкой взмывает сигнальная ракета. Я срываюсь с места и боковым зрением успеваю заметить, как по своему маршруту устремляется вперед Валька Федотов. Так, теперь надо сосредоточиться на прохождении полосы. Мысли о Вальке в сторону. До того как мы с ним сойдемся в спарринге, он для меня не существует. Сейчас мой соперник – полигон. Он изобилует всевозможными ловушками и не прощает ошибок. Третья полоса, которую нам определил Бондарев, сложнее, гораздо сложнее той, что мы только что проходили. Поэтому надо быть особенно внимательным.

Первый этап – «снежная целина», участок пересеченной местности со всевозможными препятствиями: траншеями, барьерами, частоколом и прочими, да еще занесенный выпавшим за зиму снегом. Бежать по глубокому снегу, местами проваливаясь в него по пояс, а то и по грудь, трудно уже само по себе, а тут еще приходится преодолевать установленные на маршруте конструкции. Ноги вязнут в сугробах, пальцы скользят по стылým бревнам и доскам, а снасти высотной экипировки, наоборот, норовят зацепиться за них. В итоге, когда я наконец добрался до конца «целины», от меня валил пар, как от загнанной лошади, а обмундирование можно было хоть выжимать.

Сразу за «снежной целиной» макет трехэтажного кирпичного здания в натуральную величину – это второй этап. На его фасаде две пожарные лестницы, по числу маршрутов. Моя правая. Я с разбегу подпрыгиваю и хватаюсь руками за нижнюю перекладину лестницы. Так, теперь подтянуться на руках, поставить ногу на ступеньку и вперед, точнее наверх, на крышу.

Не могу удержаться, чтобы не посмотреть налево. Валька тоже успешно прошел «целину» и теперь карабкается по пожарной лестнице. По-моему, он даже не особенно и вывозился в снегу, его камуфляжный комбез неприлично чист. Но вот что меня действительно радует, так это то, что Валька отстает от меня на добрых три метра, на целый этаж. Неплохой я развил отрыв для первого этапа. Сделанное наблюдение придало мне сил, и я еще быстрее полез вверх... Что за... Когда я, находясь на уровне третьего этажа, ухватился за очередную ступеньку, верхняя часть пожарной лестницы отделилась от стены и, едва не сбив меня на землю, обрушилась вниз. Я выпучил глаза от неожиданности и лишь тогда увидел, что прутья лестницы аккуратно подпилены. Значит, это не случайность, а очередная проверка наших действий в неожиданной ситуации. Я остановился на лестнице и уставился на крышу, до которой осталось каких-нибудь три метра, три метра кирпичной стены, не имеющей ни малейшей точки опоры или крюка, за который можно было бы зацепиться. Опираясь руками на стену, я смогу встать на последнюю ступеньку лестницы, но и оттуда не дотянусь до карниза. Подпрыгнуть? С места, да еще с тем весом, который сейчас на мне, я ни за что не допрыгну до крыши. Что за черт?! Задача должна иметь решение. Иначе всякое соревнование теряет смысл. Я оборачиваюсь к Валькиной лестнице и... не верю своим глазам. Лестница в полном порядке, а его самого на ней нет. Что же получается – у него прутья не подпилили?! Да нет, не может такого быть. Мы с ним в равных условиях. Просто... просто он нашел другой путь. И тут я заметил за Валькиной лестницей на уровне второго этажа дыру в кирпичной стене. Не проем, а именно дыру, пробитую в кирпичной кладке. Мне все стало понятно. Я тут же спустился на этаж ниже и тоже обнаружил возле своей лестницы квадратное отверстие в стене, заложенное не сцепленными раствором кирпичами. Несколько раз ударив в кладку ногой, я пробил дыру достаточного размера, чтобы пролезть в нее самому.

С пожарной лестницы в пробитое отверстие, оттуда по перекрытиям к железобетонной лестнице, выстроенной внутри здания. Третий этаж... чердачный люк... крыша. Валька у тыловой стены натягивает на себя сбрую высотной экипировки. Вот и весь мой отрыв на первом этапе. Ладно, еще не все потеряно. Подбежав к краю крыши, я сбрасываю себе под ноги бухту спускового фала и начинаю застегивать на теле ремни страховочной обвязки. Пока я вожусь с ремнями, Валька закрепляет на крыше один конец спускового фала, а другой конец сбрасывает вниз. Еще мгновение, и вот он уже скользит к земле по свисающему с крыши капроновому канату. Я мысленно заставляю себя не торопиться. Это очень трудно, если знаешь, что твой соперник обходит тебя. Но вот и мой фал закреплен на крыше. Я бросаю вниз остальную часть бухты и сам прыгаю следом за ней. Короткий свист ветра в ушах, скольжение по канату, и вот мои ноги уже бьют в раскисшую от подтаявшего снега землю. Теперь освободиться от ремней обвязки – и вперед.

Без бухты капронового каната за плечами и пяти килограммов высотной экипировки бежать ощутимо легче. Чтобы догнать вырвавшегося вперед Валентина, я максимально уве-

личиваю темп, и на стрельбище мы прибегаем практически одновременно. Теперь снова не спешить. Промахи – это лишние секунды, которых как раз может не хватить. Я выдергиваю из ствола автомата тряпочную затычку (остается только надеяться, что она защитила канал ствола от попадания снега и прочей грязи) и плюхаюсь на живот на огневом рубеже. Своего соперника я не вижу. Его огневую позицию, как и сектор стрельбы, закрывает от меня протянувшаяся через стрельбище железобетонная стена, окруженная земляным валом. Но я уверен: Валька в этот момент делает то же самое. Прочь! Все посторонние мысли в сторону, надо сосредоточиться на мишенях. Всего их пять, только поднимаются они не все сразу, а по очереди. В какой последовательности, неизвестно. Стоят тоже ограниченное, но неизвестное мне время. Сначала возникает силуэт пулеметного расчета на четырехстах метрах и ростовая фигура на семисот. Короткая очередь по пулеметному расчету – мишень сразу ложится, значит, я попал, и огонь по ростовой фигуре. Три выстрела, еще два, мишень легла. И тут же появляется еще силуэт, всего в ста метрах от меня, но не на открытом пространстве, а за снежным валом. Длинную очередь по третьей мишени, чтобы наверняка пробить снежный занос. Есть попадание! Мишень ложится на землю. Еще две мишени – последние. Пулеметный расчет на семистах метрах и мишень на четырехстах. Две очереди по ближней, две по дальней. «Пулеметчиков» я поразил, а вот последнюю... Она легла одновременно с моей второй очередью. Что это: попадание или просто закончилось отведенное для стрельбы время? Непораженная мишень поднимется снова через тридцать секунд. Ждать или понадеяться на предыдущую попытку? Эх! Знать бы, что сейчас делает Валька: ждет на огневом рубеже или всюду несет к финишу? Оставить непораженную мишень – стопроцентный проигрыш. Но и опоздание к финальному спаррингу более чем на тридцать секунд тоже является проигрышем. А Валька меня опережает, значит, ждать нельзя.

Я вскакиваю на ноги и с огневого рубежа ныряю в проложенный под стрельбищем подземный лабиринт. В отличие от «паутины» в нем нет сигнальных мин-ловушек, но пройти его не менее сложно, так как лабиринт изобилует тупиками и поворотами, а передвигаться в нем приходится в полной темноте, да еще низко нагнувшись, так как высота подземных ходов не превышает одного метра. Я бегу по прямой, пока вытянутой вперед рукой не упрусь в стену. Здесь туннель расходится в двух направлениях. Я выбираю правое и через тридцать метров вновь натякаюсь на стену. Возвращаться?! Но что-то заставляет меня осмотреться, точнее, ощупать окружающие стены. Так и есть! В тупике имеется выход, но... ведет он назад. Все же решаюсь свернуть в него. Вскоре этот проход выводит меня в поперечный туннель. В этот раз выбираю левое направление. Еще один левый поворот. И что там впереди: неужели выход, или мне только кажется, что окружающая темнота чуть побледнела?! Есть! Я вырываюсь из подземелья на свежий воздух и сразу же бросаю взволнованный взгляд назад. Ура! На стрельбище ни одной стоящей мишени, значит, я поразил все пять. Вот это облегчение. Теперь ходу. Забор... Еще забор... «Минное поле» с натянутой над ним колючкой. Нырок под колючку и по-пластунски по минному полю, обползая участки взрыхленного снега. Разрытый снег – верный признак установки мин. Не противопехотных, а сигнальных, однако, если сработает сигналка, наблюдатели, генерал Углов и полковник Бондарев, тут же засчитают мне поражение. Я переполз «минное поле», не задев ни одной мины, и первым пересек финишную черту. Чертой служила граница расчищенной от снега заасфальтированной площадки, на которой, по замыслу нашего начальника, между мной и Валентином и должен был произойти финальный поединок на боевых ножах.

Пока Валька полз по своему «минному полю», я положил на асфальт автомат и снял с пояса полученный перед прохождением полосы препятствий резиновый муляж десантного ножа. По сравнению с моим соперником я оказался куда в более выгодном положении, так как успел отдышаться и размять мышцы, подготовившись к предстоящему бою. А вот Вальке последний этап дался с большим трудом. Я даже на расстоянии слышал, как он пыхтит, про-

бираясь под колючкой. Но вот он наконец выбрался с «минного поля» и, встав на ноги, тяжело зашагал ко мне. На площадку он вышел секунд на двадцать позже меня. Я не стал атаковать его сразу, дав возможность снять автомат. Явно оттягивая начало спарринга, Валька несколько раз глубоко вздохнул и, не прикасаясь к своему ножу, направился ко мне. Вот это он зря. По условиям спарринга я имел полное право его атаковать. И любой другой на моем месте уже давно воспользовался бы моментом, чтобы заколоть своего безоружного соперника. В боевой обстановке благородство никто не изображает, потому что, кроме как несусветной глупостью, такое поведение ничем не назовешь. Это только в кино благородный соперник ждет, пока его заклятый враг поднимет с земли выбитый в схватке меч или достанет из ножен кинжал. Простота Вальки вызвала у меня раздражение.

– Ты будешь...

«...драться или нет?» – хотел закончить я свою фразу, но не успел это сделать. За два шага до меня Валька вдруг нырнул под мою левую руку и, мгновенно выдернув из-за пояса нож, ткнул его острием меня под ребра. Я опешил от неожиданности, а на лице Вальки расплылась довольная улыбка. А его сильное дыхание вдруг стало ровным, словно он и не пыхтел, как паровоз, пробираясь под рядами колючки. И тогда я понял – все это был рассчитанный на меня спектакль, которым Валька меня элементарно купил, заставил поверить в свою усталость и подловил, как сосунка-первогодка.

– Федотов, Овчинников, закончить упражнение! – раздался над полигоном усиленный мегафоном голос полковника Бондарева.

Ну конечно, наблюдатели на смотровой вышке не пропустили «предательский» Валькин удар. Для чего надо было рвать жилы на полосе препятствий, отвоевывая у Вальки двадцатисекундное преимущество, чтобы затем пропустить его единственный выпад, решивший исход всего поединка.

Спустя несколько минут, стоя в строю перед Угловым и Бондаревым, я слушал приказ начальника оперативного отдела о назначении Вальки командиром оперативно-поисковой группы и обращенные к нему поздравления командира «Вымпела». Во время короткого выступления генерала я встретился взглядом с полковником Бондаревым. У него оказался очень поучительный взгляд.

3. Приказ президента

Штаб-квартира ЦРУ, Лэнгли, штат Вирджиния, 5 марта, 10.00

Рассаживаясь за длинным овальным столом для совещаний, начальники отделов оперативного директората ЦРУ избегали смотреть на своего шефа. Экстренный вызов и мрачное настроение, написанное на лице заместителя директора ЦРУ,⁴ не предвещали ничего хорошего. Среди явившихся по вызову резко выделялся широкоплечий поджарый мужчина в форме полковника американской армии, с иссушенной солнцем кожей и коротко постриженными выгоревшими волосами. Он стремительно вошел в кабинет, также быстро занял свое обычное место за столом и, положив перед собой крепкие мускулистые руки, в упор уставился на начальника директората.

Полковник Эдвард Греймс возглавлял в ЦРУ отдел тайных операций, входящий в структуру оперативного директората. Греймс пришел в ЦРУ из армейского спецназа. Более двадцати лет он участвовал, осуществлял, командовал, организовывал и руководил спецоперациями американского спецназа по всему миру. Возглавляемые Греймсом команды и отряды «зеленых беретов» истребляли партизан в южноафриканских джунглях Мозамбика и Анголы, обучали и командовали проамериканскими повстанцами в Никарагуа, поставляли оружие и боеприпасы афганским моджахедам, вели разведку военных объектов на территории Китая и Северной Кореи, корректировали ракетно-бомбовые удары американской авиации в Ираке и Югославии. С переходом в ЦРУ Греймс перешел от непосредственного командования разведывательно-диверсионными подразделениями к разработке и руководству спецопераций американской разведки. Из тропических лесов Латинской Америки, скалистых афганских гор, песчаных иракских пустынь и простреливаемых снайперами улиц разбомбленных балканских городов его война переместилась на оперативные карты, выведенные на экран персонального компьютера или расстеленные на столе служебного кабинета. Но, несмотря на это, на самом видном месте в кабинете Греймса, как отличительный знак спецназовца, висел его зеленый берет, впитавший запахи чужой крови, пороховой гари и соленого пота своего хозяина. На службе Греймс появлялся только в форме и никогда не расставался с 9мм пистолетом «стелс» «Си-1000», последней разработкой оружейной фирмы «Хэритидж Армз», который носил на правом бедре в открытой оперативной кобуре. И хотя в комплексе зданий штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли начальнику отдела тайных операций ничего не угрожало, Греймс не стал изменять своей привычке постоянно носить при себе оружие. Эта привычка за годы службы в спецназе стала для него образом существования. Резкий и грубый с подчиненными, независимый и принципиальный с руководством, Греймс не пользовался симпатией у сослуживцев, но все без исключения отмечали его высочайший профессионализм, помноженный на многолетний боевой опыт. Своим поведением и остротой суждений полковник-спецназовец внушал страх коллегам в ЦРУ, и даже непосредственный начальник Греймса – руководитель оперативного директората Роберт Мак-Инч зачастую терялся под его пристальным колючим взглядом.

Когда все вызванные руководителем оперативного директората начальники отделов расположились за столом для совещаний (сесть рядом с полковником Греймсом, как обычно, никто не решился, и соседние с ним стулья вновь остались свободными), Мак-Инч обвел собравшихся тяжелым взглядом и сказал:

⁴ Руководитель оперативного директората одновременно является заместителем директора ЦРУ по операциям.

– Вчера президент встречался с нашим директором. Он крайне обеспокоен развитием политической ситуации вокруг Ирака. При нынешней нерешительности ООН и массовых выступлениях пацифистов как внутри страны, так и за рубежом, президенту чрезвычайно сложно отдать приказ о начале военной операции в Ираке. Последние опросы общественного мнения показали, что число американцев, поддерживающих применение силы против Багдада, постоянно снижается.

– Этого следовало ожидать! – перебил шефа полковник Греймс. – Как только возникла необходимость в свержении Хусейна, правительству надо было сразу отдать приказ о применении силы, а не устраивать это шоу с международными инспекторами!

– Вряд ли подобное решение президента нашло бы одобрение в конгрессе, мистер Греймс! – повысил голос зам. директора ЦРУ. – На встрече с директором президент ясно дал понять, что ситуацию можно будет переломить лишь в том случае, если представить Совету Безопасности ООН и всему мировому сообществу новые доказательства агрессивности Багдада. Неопровержимые доказательства! – Руководитель оперативного директората сделал паузу и вновь обвел пристальным взглядом всех присутствующих. – И добыть эти доказательства должны мы! Вот та задача, которую поставил перед ЦРУ президент на встрече с нашим директором. Надеюсь, мне нет необходимости объяснять вам, что от решения этой задачи напрямую зависит безопасность Америки и... ее экономическое процветание, – закончил Мак-Инч, решив, что в разговоре с коллегами можно обойтись без популистских лозунгов о защите мира. Тем более что всем присутствующим было отлично известно, что истинной целью запланированной военной кампании является установление контроля над богатейшими месторождениями самой дешевой в мире иракской нефти.

Начальники отделов оперативного директората оценили откровенность своего руководителя. Все они достаточно долго прослужили в разведке и без слов поняли то, о чем умолчал руководитель оперативного директората, а до него президент при постановке задачи директору ЦРУ. Опытные разведчики понимали, что добыть неопровержимые доказательства того, что иракский режим угрожает безопасности мира, скорее всего не удастся. А раз так, их необходимо создать...

Возвратившись с совещания, полковник Греймс заперся в своем кабинете и приказал секретарю ни с кем его не соединять. В кабинете он работал до позднего вечера. Несколько раз референт по требованию шефа приносил Греймсу крепко заваренный черный кофе без сахара. Он так и не смог понять, чем в течение дня занимался его начальник. Всякий раз, когда референт появлялся в кабинете Греймса, его рабочий стол был абсолютно чист, а компьютер выключен. Однако за несколько минут до официального окончания рабочего дня Греймс позвонил в приемную Роберта Мак-Инча и попросил принять его.

Секретарша начальника директората тут же соединилась с шефом и сухим официальным голосом сообщила Мак-Инчу, что полковник Греймс просит принять его. У секретарши была потрясающая фигура, грациозная походка и манеры аристократки. Поэтому Роберт Мак-Инч, заведший в годы адвокатской молодости немало любовных интрижек, был не прочь перевести их официальные отношения в разряд более близких. Но его предшественник на посту руководителя директората в неофициальном разговоре сообщил Роберту, что его отставка во многом способствовала заявлению секретарши, обвинившей его в попытке сексуального домогательства. По словам бывшего начальника директората, его секретарь не имела для этого никаких оснований. В разговоре с предшественником Роберт Мак-Инч не стал подвергать это утверждение сомнению, однако от намерений сблизиться с секретаршей сразу отказался.

Начальник отдела тайных операций, напротив, был тем человеком, общения с которым Мак-Инч желал бы избежать. Но не мог.

Полковник Греймс появился в его кабинете через три минуты и, сразу пройдя к столу, положил перед ним несколько скрепленных степлером рукописных листов. Зная о нелюбви

Мак-Инча разбирать рукописные тексты, сотрудники директората все документы представляли шефу только в отпечатанном на компьютере виде. Но полковник Греймс не доверял компьютеру: он сам и его подчиненные не раз снимали информацию с компьютерных линий связи и терминалов противника. По твердому убеждению полковника спецназа, только написанный собственной рукой документ имел гарантию конфиденциальности изложенной в нем информации. Роберта Мак-Инча раздражало упрямство подчиненного, то и дело подсовывающего ему рукописные бумажки, но поделаться с Греймсом он ничего не мог.

– Что это? – спросил он, разобрав вынесенное в заглавие документа слово «Рапорт».

– План операции по вразумлению мирового сообщества, – улыбнулся Греймс. – Полагаю, когда иракские террористы захватят в России ядерный реактор и пригрозят взорвать его, русские и вошедшие с ними в коалицию немцы, французы и китайцы уже не будут столь непримиримы к применению военной силы против Багдада. Да и наши доморожденные пацифисты разом заткнутся.

– Вы считаете, что такая акция осуществима?! – взволнованно спросил Мак-Инч.

– Детали операции я изложил в своем рапорте...

Роберт Мак-Инч поспешно схватил со стола исписанные Греймсом листки и принялся судорожно разбирать его прыгающий почерк. Дочитав до конца, он не смог скрыть своего восхищения:

– Грандиозно! Это именно то, что нужно! Но кого вы предлагаете использовать в качестве иракских террористов?

– На роль главаря я бы рекомендовал Сфинкса.

– Ахмеда аль Рубеи? – продемонстрировал свою память Мак-Инч.

Полковник Греймс недовольно поморщился. Знавший не понаслышке, чем чревато нарушение правил конспирации, он не терпел, когда без острой необходимости произносились вслух реальные имена тайных агентов.

– Сфинкс – видный член «Аль-Каиды», – специально для начальника директората выделив интонацией оперативный псевдоним агента, продолжал Греймс. – И хорошо известен как Интерполу, так и российским спецслужбам. Поэтому, когда мы предъявим миру телеобращение Сфинкса с его ультиматумом мировому сообществу, сама собой отпадет необходимость доказывать, что теракт совершен боевиками «Аль-Каиды».

– Как вы планируете это сделать? – поинтересовался глава директората.

– Телеобращение мы запишем заранее и сразу после захвата реактора оперативным путем передадим запись на арабский телеканал, после чего его продублируют все европейские и американские телеканалы. Когда на всех телеэкранах замелькают лица арабских террористов, которых мы снабдим необходимой атрибутикой, ни у кого не останется сомнений, что за ними стоят иракские спецслужбы.

– Ну а сам захват?! Вы планируете провести его с помощью российских наемников. Где вы найдете столько боевиков?! – нетерпеливо спросил Мак-Инч.

Греймс ехидно улыбнулся:

– Россия неоднократно обращалась к нам с требованием выдачи своего гражданина, некоего Мартынова, проживающего в Лос-Анджелесе. По утверждению российской прокуратуры, этот Мартынов организовал захват российского рыболовного траулера в Японском море и выступил заказчиком нескольких громких убийств в Приморье. Вооруженный захват судна действительно имел место, и, по моим данным, провели его весьма квалифицированные бойцы. Я предлагаю использовать их в данной акции.

– Но вы уверены, что у них хватит квалификации?

Несмотря на категоричные утверждения полковника спецназа и профессионального диверсанта, бывший адвокат по международному праву никак не мог поверить, что группа вооруженных боевиков способна захватить ядерный реактор.

– Я смогу сказать это только после... общения с Мартыновым. Поэтому прошу у вас разрешения на его разработку. – Греймс решил, что перед руководителем директората не стоит раскрывать свои методы получения достоверной информации от разрабатываемого лица.

– Считайте, что вы его получили! – воскликнул Мак-Инч. – А представленный вами план я на первой же встрече доложу президенту. Уверен, он его одобрит.

– Думаю, президенту нет необходимости знать все детали операции, – возразил Мак-Инчу полковник Греймс. – Просто информируйте его, что мы нашли способ получения неопровержимых доказательств агрессивности Ирака и поддержки режимом Саддама международных террористов.

– Пожалуй, вы правы, – задумчиво покивал головой начальник оперативного директората. – У президента и так появилось в последнее время много проблем. А излишняя информированность может нанести ему ущерб в случае возникновения непредвиденных осложнений.

Полковник Греймс понимающе кивнул. Своими словами руководитель директората предлагал ему взять всю ответственность за проводимую операцию на себя. Бывший командир диверсионно-разведывательных групп и отрядов был к этому готов.

4. Исповедь на заданную тему

Лос-Анджелес, 6 марта, 12.30

Виталий Мартынов, более известный криминальным авторитетам, бизнесменам и чиновникам Приморья под кличкой Мартын, лениво развалился на широком, как гостиничный диван, заднем сиденье «Форда Экспедишн». По Владивостоку он разъезжал на японском внедорожнике «Лексус», но, перебравшись в Лос-Анджелес, пересел в еще более просторный джип. И хотя эмигранты новой волны, с которыми Мартын быстро сошелся в Америке, утверждали, что все крутые в Штатах разъезжают на представительских лимузинах, он не стал изменять своим пристрастиям.

Катящийся по идеально ровной ленте загородного шоссе роскошный джип мягко покачивался на рессорах подвески. Кондиционер гнал в салон насыщенный парами ароматизатора воздух. Из динамиков лился томный голос популярной российской певицы. На передних сиденьях застыли массивные фигуры телохранителей. Все это создавало ощущение безопасности, успокаивая расположившегося на мягком кожаном диване Мартына. Российская прокуратура, выписавшая ордер на его арест, осталась на противоположном берегу океана. А собственные ушлые адвокаты заверили Мартына, что вероятность экстрадиции равна нулю. Значит, можно забыть про прошлые дела и сосредоточиться на новых. У делового человека, строящего свой бизнес на новом месте, всегда найдется много неотложных дел.

Черный «Форд Экспедишн» въехал в район даун-таун, где располагался популярный русский ресторан «Славянский базар», названный так по аналогии с известным московским рестораном. Не так давно Мартын стал его совладельцем и считал, что настала пора сделаться его полновластным хозяином. Необходимая психологическая обработка прежнего владельца была проведена, поэтому Мартын был уверен, что партнер беспрекословно уступит ему свой пай.

В деловой части города, как всегда, полно машин. Возвышающийся над автомобильным потоком «Экспедишн» со всех сторон облепили «Форды», «Крайслеры» и «Кадиллаки». На очередном светофоре в левом ряду рядом с джипом встал белый, как айсберг, минивэн «Шевроле» с тонированными до черноты стеклами. Мартын непроизвольно скосил глаза на остановившуюся рядом машину и в этот момент вздрогнул от сильного толчка. Сзади в остановившийся «Экспедишн» врезался не успевший затормозить старый «Паккард». Хозяин джипа ругнулся сквозь зубы: машина застрахована, да и ущерб невелик. Однако приезжать на ответственные переговоры с разбитым задом, даже если это относится только к автомобилю, совершенно не годится. Значит, вместо того, чтобы по-хозяйски подъехать к самому входу, придется поставить машину на стоянку и униженно топтать оттуда до ресторана пешком. Мысли охраняющих Мартына «быков» так далеко не распространялись. Для них было ясно только одно: какой-то урод разбил шефу тачку и должен ответить за это. То, что они находились не в России, а в Америке, где приняты несколько иные меры наказания виновников ДТП, для охранников значения не имело. Они всюду действовали так, как к этому привыкли. Поэтому и данный случай не стал исключением. Плечистый водитель джипа распахнул свою дверь и ступил на мостовую. Одновременно с этим сработал центральный замок, разблокировав замки всех остальных дверей, на что привыкшие к безопасности Мартын и его охранники не обратили никакого внимания. Выбравшийся из машины водитель, демонстративно поигрывая накачанными мускулами, двинулся в сторону «Паккарда». Второй охранник остался на месте и лишь обернулся к заднему стеклу, чтобы понаблюдать, как его напарник расправится с незадачливым американским водителем. За рулем «Паккарда» оказался еще довольно молодой невыра-

зительный мужчина с незапоминающейся внешностью. Как ни в чем не бывало, он преспокойно сидел в машине, хотя давно уже должен был сообразить, что приближение здоровяка из джипа не сулит ему ничего хорошего.

Однако, когда мартыновский охранник поравнялся с машиной обидчика, привычный сценарий расправы над лохом оказался неожиданно нарушен. Опередив «быка», протянувшего руку к двери его машины, водитель «Паккарда» сам резко распахнул ее. Он точно выбрал момент, сопоставив размеры двери и оставшееся до приближающегося противника расстояние, поэтому острый стальной край автомобильной дверцы так сильно ударил «быка» в грудь и живот, что тот, выпучив глаза от внезапной остановки дыхания и, хватая непослушными губами воздух, согнулся пополам. Водитель «Паккарда», даже не вылезая из машины, взмахнул левой рукой и рубанул ребром ладони своего противника по шее, после чего «бык», который был на полголовы выше его и по крайней мере в полтора раза тяжелее, бесчувственным кулом свалился на мостовую.

За мгновение до этого широкая бортовая дверь стоящего рядом с джипом минивэна сдвинулась в сторону, и оттуда синхронно выпрыгнули два человека в одинаковых синих ветровках и черных чулках-масках на головах. Находившиеся в джипе Мартын и его второй охранник заметили людей в черных масках, лишь когда те распахнули переднюю и заднюю двери «Экспедишна». Действуя скорее рефлекторно, чем осознанно, охранник замахнулся, чтобы впечатать свой кулак в прикрытую маской физиономию, но вместо этого задергался на своем сиденье, когда ему под мышку ткнулись оголенные контакты электроразрядника, оказавшегося в руке человека в черной маске. В отличие от своего «быка», Мартын даже не попытался оказать сопротивление. Происходящее полностью деморализовало его. Люди в черных масках словно вынырнули из его самых страшных кошмаров с участием бойцов СОБРа или ОМОНа. Мартын даже забыл о том, что находится в Америке, а люди в масках не дали ему возможности прийти в себя. Один из них мгновенно набросил на голову дальневосточному бизнесмену и криминальному авторитету черный светонепроницаемый мешок, второй выдернул его из потерявшего уют и безопасность роскошного джипа. И они уже вдвоем втолкнули онемевшего от страха Мартына в открытую дверь минивэна, после чего дверь сразу закрылась. Затолкнув пленника в свою машину, люди в масках подняли с мостовой бесчувственное тело второго охранника и бросили его на водительское сиденье джипа. Дверь минивэна еще раз отъехала в сторону, чтобы принять сделавших свое дело бойцов, и тут же снова встала на место. Едва на светофоре зажегся зеленый свет, минивэн сорвался с места и устремился вперед. Следом за ним пристроился «Паккард», вырвавшийся из-за оставшегося на месте «Экспедишна».

Оказавшись в чужой машине между стиснувшими его с двух сторон крепкими телами, Мартын пришел в себя. А осознав, что ни СОБР, ни ОМОН не мог появиться в Америке, попытался выяснить свое положение. Он завозился на месте, пытаясь раздвинуть сжавшие его фигуры, и даже открыл рот:

– Что...

Но закончить фразу не сумел, так как в шею, сквозь ткань надетого на голову мешка, его ужалили шипы-электроды электроразрядного устройства. Кратковременный, но чрезвычайно мощный электрический импульс парализовал мозг, и наводящий ужас на конкурентов-бизнесменов Владивостока могущественный Мартын провалился в небытие...

Он пришел в себя от бьющего в нос резкого тошнотворного запаха и с отвращением закрутил головой. Обжигающая боль в шее подтвердила Мартыну, что и похищение, и разряд электрошокера не привиделись ему в кошмарном сне. Черный мешок по-прежнему находился на его голове, но окружающая обстановка разительно изменилась. Мартын почувствовал, что сидит не на автомобильном сиденье, а в вертящемся офисном или зубоврачебном кресле с высокой спинкой, при этом его руки перехвачены ремнями и прочно примотаны к подлокотни-

кам. «Что происходит?!» Но, хорошо помня, чем закончилась его предыдущая попытка заговорить, он предпочел хранить молчание.

* * *

Заметив, что пленник пришел в себя, Эдвард Греймс убрал у него из-под носа ватку, смоченную нашатырным спиртом, и, отойдя в сторону, кивнул своему помощнику, стоящему рядом с наполненным шприцем в руках. Помощник, осуществивший со своим напарником захват «языка», без черной маски на лице походил на исполнительного конторского служащего. И только сбитые костяшки пальцев указывали на наличие у него специальных навыков рукопашного боя и силового задержания. Помощник Греймса ловко закатал пленнику рукав его рубашки и точно в вену воткнул иглу шприца. Через секунду поршень вытолкнул из шприца в кровь два кубика психотропного препарата. Еще через тридцать секунд Греймс распорядился снять мешок с головы пленника.

Привязанный к креслу человек подслеповато шурил свои глаза. Для Греймса это являлось доказательством того, что введенная ему «сыворотка правды» начала действовать. Начальник отдела тайных операций приблизил к пленнику свое лицо и, отчетливо выговаривая слова, спросил по-русски:

- Как тебя зовут?
- Ви-талиий, – медленно ворочая языком, ответил тот.
- А фамилия? – задал новый вопрос Греймс.
- Мар-тынов, – последовал ответ.

Греймс удовлетворенно кивнул. И Мартын кивнул ему в ответ... У мужчины оказалось строгое лицо и голос, как у учителя или даже директора в школе. Школьные учителя были строги с Виталиком Мартыновым, но они никогда не надевали ему на голову мешок, не вытаскивали из машины и не пытались электрошокером. Мартын понял: все пережитые им ужасы остались позади. Сейчас директор школы отпустит его из своего кабинета, надо только честно ответить ему на все вопросы. Директор хочет знать: убивал ли он кого-нибудь во Владивостоке. Нет! Конечно же, нет! Заказывал, это правда. Но заказанные были плохими людьми, они мешали его бизнесу, поэтому с ними и разобрались. Захват траулера? Конечно, это сделал не он, а все те же люди, которые помогли ему избавиться от конкурентов. Знает ли он их? Только их старшего.

- Имя?! – потребовал Греймс.
- Адмирал, – тут же ответил Мартын.

Его язык больше не заплетался. Он отвечал быстро и без запинки, чтобы лишний раз не раздражать директора школы.

- Это псевдоним? – уточнил Греймс.
- Кличка, прозвище.

Греймс подал знак помощнику, и тот тут же распустил ремни, стягивающие руки пленника. Второй помощник вложил в руки шефа трубку телефона, которую Греймс протянул Мартыну:

- Позвони ему.

Мартын взял в руки телефонную трубку и без задержки набрал шесть цифр городского владивостокского номера. Греймс вырвал из его рук трубку, сбросил номер на цифровом табло и, набрав международные коды России и Владивостока, повторил набранную Мартыном цифровую комбинацию:

- Поговори с ним!

Трубка вновь оказалась в руках Мартына. Он долго слушал протяжные гудки. Потом ему наконец ответили. И знакомый голос нетерпеливо спросил:

– Да?

На пленке соединенного с телефонной базой магнитофона записалось первое слово.

– Привет, Адмирал, – ответил Мартын, как привык общаться со своим специалистом по крови.

– О-о, эмигрант! – восторженно воскликнул собеседник. – Давно не виделись! Ты откуда звонишь?!

– Из школы, – признался Мартын.

– Из какой школы?! Ты чего несешь?!

– Из Штатов, – шепотом подсказал Греймс, и Мартын послушно повторил его слова.

– А-а, ты в этом смысле, – оценил юмор собеседника Адмирал. – Так какие у тебя проблемы? Или соскучился, в гости хочешь пригласить? – хохотнул исполнитель острых акций, продемонстрировав, что и ему не чуждо чувство юмора.

Мартын вопросительно уставился на Греймса, так как не понимал, для чего директор школы заставил его позвонить Адмиралу. Но директор вновь пришел ему на помощь.

– Одному моему знакомому потребовалась помощь, как раз по твоей специальности, – вслед за Греймсом повторил Мартын.

– В Штатах? – уточнил Адмирал, и магнитофон зафиксировал деловой тон его вопроса.

– Нет, в России, – повторив слова Греймса, ответил Мартын. – У него сложное поручение, но и платит он хорошо.

– Что ж, – с притворным безразличием произнес Адмирал. – Пусть приезжает, обсудим его проблемку. Может, чем и подсобим. На эту трубу больше не звони. У нее батарейки сдохли, считай, что я ее уже выбросил. Когда твой знакомый приедет, пусть скажет Алику в «Медузе», что от тебя, и оставит номер своего телефона. Я сам с ним свяжусь. Уяснил?

После одобрительного кивка Греймса Мартын ответил утвердительно.

– Тогда все. Бывай. Как-нибудь позвоню, поболтаем. – Адмирал отключился.

По знаку Греймса один из его помощников выключил подсоединенный к телефону магнитофон. После чего помощники, уже вдвоем, подняли из кресла по-прежнему находящегося под действием психотропного препарата Мартына и вновь надели на его голову мешок. Нажав кнопку на стене, Греймс открыл автоматические двери, его сотрудники выволокли на улицу пленника и вновь запихнули его в салон минивэна. Один из помощников тоже забрался в машину, а второй вернулся назад, чтобы забрать шприц и подлежащую учету использованную ампулу.

– Управились за пять минут, – начальник отдела тайных операций одобрительно взглянул на своего сотрудника и, обведя взглядом помещение пустого склада, служившего конспиративной квартирой для кратковременных операций ЦРУ, приказал: – Подчистить здесь все! Снимаемся!

– А этого куда? – помощник кивнул головой на стоящий у склада минивэн с пленником.

– Вколите ему ЛСД и подбросьте в какой-нибудь дешевый бордель, – распорядился Греймс. – Когда очухается под боком у какой-нибудь негритянской шлюхи, ни за что не вспомнит, что с ним произошло. А для своих еще сочинит какую-нибудь героическую историю о том, как он мастерски сбежал от похитителей... Только не переборщите с дозировкой, а то загнется, – предупредил помощника полковник. – Он может нам еще пригодиться.

– Сэр! – На лице задавшего свой вопрос сотрудника появилось удивление. – Если вы не собирались зачищать русского, то не проще было завербовать его, пригрозив экстрадицией?

Начальник отдела тайных операций улыбнулся. Именно такие моменты он больше всего любил в своей работе, позволяющие ощутить свое превосходство над остальными сотрудниками.

– В отличие от «сыворотки правды», вербовка, построенная на шантаже, не дает гарантии достоверности сообщенной завербованным агентом информации, – начал Греймс свое объяс-

нение. – Потому что шантажируемый человек говорит то, что ему в данный момент выгодно. И его слова зачастую не имеют ничего общего с действительностью. Шантажом можно заставить человека совершить некое, чаще всего одноразовое действие. Но я бы никогда не стал полагаться на изложенную им информацию. Нам же требовалась стопроцентная достоверность сведений! К тому же, обмен сведениями между агентом и его разработчиком всегда двусторонний. Сообщив нам сведения о своих оставшихся в России бойцах, этот русский мафиози сообразил бы, что мы интересуемся ими. С учетом того, как мы собираемся их в дальнейшем использовать, русского пришлось бы однозначно зачищать. А он, как я уже сказал, может нам еще пригодиться. Все ясно? – Греймс поднял на подчиненного вопросительный взгляд.

– Так точно, сэр! – отчеканил тот.

– Тогда займись делом!

– Да, сэр!

Помощник сноровисто упаковал в металлический пенал использованный шприц вместе с пустой ампулой и отсоединил от телефона магнитофон, из которого Греймс предварительно вынул кассету с записью разговора Мартына с таинственным Адмиралом.

5. Сфинкс

Аэропорт Кеннеди, Нью-Йорк, 6 марта, 23.15

Приветливо улыбающаяся стюардесса заглянула в салон первого класса прибывшего из Стамбула «Боинга». Большинство немногочисленных пассажиров, предпочитающих путешествовать первым классом, знали, что она сейчас скажет, поэтому лишь немногие вопросительно взглянули на девушку. Среди них оказался плотный широкоплечий мужчина с высокими залысинами, пухлыми, выдающимися вперед губами, густыми, сходящимися к переносице бровями и хищным заостренным носом на вытянутом продолговатом лице. Две специально подобранные по внешнему сходству для обслуживания первого класса стюардессы при каждом появлении в салоне постоянно ощущали на себе его пристальные взгляды. Эти взгляды одновременно пугали и манили девушек. Вот и сейчас стюардесса не смогла устоять и не взглянуть на наблюдающего за ней пассажира.

У него были короткие, чуть тронутые сединой, черные волосы и смуглая загорелая кожа, что свидетельствовало о его безусловной принадлежности к одной из арабских национальностей, но к какой именно, стюардесса определить не смогла. Зато девушка сразу сообразила, что видит перед собой очень обеспеченного человека. Она неплохо разбиралась в вещах и смогла определить, что черный двубортный костюм, как и голубая рубашка из натурального шелка пассажира приобретены им даже не в фирменном магазине, а сшиты по заказу у всемирно известного кутюрье. Галстуком пассажир не пользовался. Его заменяли несколько рядов золотых цепочек разнообразной ширины и отделки.

У пассажира, завладевшего вниманием стюардессы, было много имен и фамилий. В настоящий момент в его кармане лежал турецкий паспорт на имя Мустафы Дияра, хотя спецслужбам США, большинства европейских и азиатских стран, а также лидерам «Аль-Каиды» и еще примерно десятка более мелких террористических организаций он был известен как Ахмед аль Рубеи. Рядовые бойцы этих организаций называли его не иначе, как Карающий Ахмед. Это для них он обесцветил несколько прядей своих волос, придав им вид седины. Ради них сделал несколько внешне незаметных пластических операций, получив с помощью хирургии более мужественное лицо. Он разработал и организовал десятки террористических актов, унесших сотни человеческих жизней по всему миру, собственноручно казнил трусов, предателей и тех, кто своими нечестивыми действиями осквернил святое звание воина Аллаха. И все же, несмотря на все свои старания, ему не удалось стать первым среди равных. Даже посылаемые им на смерть бойцы, взрывая на себе начиненные взрывчаткой пояса шахидов, выкрикивали имена других духовных лидеров, тех, кого они почитали как живых богов. А он не был богом. Но хотел им стать. Ради этого он пошел на сотрудничество с ЦРУ, надеясь с помощью американских денег и тайной поддержки, которую обещали ему вербовщики из ЦРУ, стать во главе движения. И манящая цель была уже близка. Нужна была только мощная встряска, акция, наподобие взрыва Торгового центра в Нью-Йорке, которая всколыхнула бы весь мир и приковала к нему всеобщее внимание, сделав тем единственным лидером, вокруг которого объединятся все истинные бойцы ислама. И сегодняшняя встреча, ради которой он прилетел в США, должна была стать первым шагом к достижению заветной цели.

Девушка-стюардесса наконец смогла вырваться из-под магического влияния сковавшего ее взгляда таинственного незнакомца и произнесла:

– Уважаемые пассажиры, вы можете пройти к выходу.

При этом ее голос испуганно дрогнул, из-за чего привыкшие за время полета к мелодичной речи стюардессы пассажиры первого класса недоуменно уставились на девушку. От этого стюардесса смутилась еще больше и поспешно скрылась за занавеской, отделяющей пассажирский салон от служебного отсека. Так и не поняв, чем вызвано столь странное поведение стюардессы, приглашенные ею пассажиры поднялись со своих мест и направились к выходу. Они заплатили не только за место в комфортабельном салоне и за подаваемые в течение всего полета ресторанные блюда и напитки, но и за то, чтобы, не толпясь в очереди, первыми пройти паспортный и таможенный контроль.

В числе пассажиров первого класса Ахмед аль Рубеи шагнул с борта лайнера в поданный к выходу из самолета раздвижной рукав и, неспешно шагая, двинулся по трубе к зданию аэровокзала. Войдя внутрь зала прилета, он направился к стойке сотрудников паспортно-визовой службы и в этот момент увидел шагнувшего ему навстречу седого человека в темно-сером костюме. Встречающий приветливо улыбался и даже раздвинул руки в традиционном для мусульман приветствии. Они виделись всего несколько раз, но Ахмед сразу узнал встречающего его человека. Внешне тот совершенно не изменился, хотя и сменил полевую форму полковника американского спецназа на гражданский костюм.

– Рад видеть вас, господин Дияр, – приветствовал Ахмеда встречающий, продемонстрировав, что ему известно имя, под которым видный член «Аль-Каиды» прибыл в США.

– Я тоже рад видеть вас, мистер Греймс. – Теперь уже Ахмед показал, что не забыл фамилию своего куратора.

Они обнялись и даже соприкоснулись щеками, выполнив обряд мусульманского приветствия. После чего полковник Греймс, увлекая Ахмеда за собой, сказал:

– Пойдемте, господин Дияр. Вы можете обойтись без этих формальностей.

Ахмед оценил его предусмотрительность. Вместе с начальником отдела ЦРУ террорист, чье имя в ежегодно обновляемых спецслужбами США списках наиболее опасных международных преступников значилось одним из первых, миновал пограничный пост и, пройдя через служебные помещения, покинул зону прилета.

– Дайте ваш билет, – обратился к нему Греймс, когда пограничный и таможенный посты остались позади. – Мой сотрудник получит ваш багаж.

Ахмед протянул куратору свой авиационный билет с наклеенной на него багажной квитанцией, и тот передал его выросшему словно из-под земли помощнику. Через несколько минут помощник вернулся, неся с собой объемистый кожаный чемодан Ахмеда. Не выпуская чемодана, он направился к выходу из аэровокзала и вскоре вывел проследовавших за ним Ахмеда и Греймса к оставленному на площади роскошному лимузину.

* * *

Через час с небольшим лимузин остановился перед двухэтажным коттеджем в пригородной зоне Нью-Йорка, арендуемым на деньги ЦРУ и используемым для конспиративных встреч с агентами, занимающими высокое положение или просто живущими в обстановке роскоши и богатства. Греймс своим ключом отпер входную дверь и, пропуская вперед прибывшего гостя, почтительно отошел в сторону. Ахмед величественно вошел в просторный холл и остановился в центре, критически осматривая обстановку. Следом за ним помощник Греймса внес чемодан Ахмеда и, поставив его у порога, сразу же удалился.

– Во сколько подать машину, сэр? – задержавшись на мгновение, поинтересовался он у начальника.

– Я позвоню, – неопределенно ответил Греймс и, выпустив своего сотрудника из дома, сразу же закрыл за ним входную дверь. – Хотите что-нибудь перекусить или выпить с дороги? –

обернулся он к Ахмеду. – Насколько мне известно, на востоке не принято сразу переходить к делу.

И хотя куратор улыбался, Ахмед не поддержал его веселого тона:

– Не утруждайте себя, мистер Греймс, я поужинал в самолете. Поэтому мы можем сразу перейти к делу.

Несмотря на глубокую ночь, Ахмед остался бодр и энергичен, словно и не перенес много-часового перелета из одной части света в другую. Впрочем, полковник американского спецназа знал по опыту, что для диверсанта, умеющего вполне комфортно устроиться в узкой и холодной скальной щели, даже длительное сидение в просторном кресле салона первого класса вряд ли покажется утомительным. Сам Греймс, еще находясь в аэропорту, принял таблетку специального тонизирующего препарата, поэтому тоже чувствовал себя прекрасно, если не считать тщательно скрываемого волнения. За почти двадцать лет знакомства с Ахмедом Греймс достаточно хорошо изучил своего агента. Ахмед уже не раз выполнял достаточно рискованные поручения ЦРУ. Но то, что собирался предложить ему Греймс сейчас, не шло ни в какое сравнение с тем, что ему приходилось делать раньше. Автор множества тайных операций собирался изложить агенту суть задания за столом. Своим отказом Ахмед поломал выстроенный им план беседы. Но Греймс решил не отходить от разработанного им сценария:

– Воля ваша, а я все-таки выпью.

Он прошел к просторному бару и, выбрав там, среди обилия разнообразных напитков, квадратную бутылку американского виски, наполнил на четверть широкий пузатый стакан. Прихватив из бара помимо бутылки еще один пустой стакан, Греймс поставил их на журнальный столик возле обтянутого черной кожей низкого дивана и, обернувшись к своему гостю, спросил:

– Вы еще не забыли русский язык, мистер Ахмед?

Густые брови арабского гостя сдвинулись к переносице...

Русский язык Ахмед аль Рубеи выучил в Москве. Он учился в инженерно-строительном институте, но окончить его не сумел. Не выдержав конкуренции, строительная фирма отца окончательно разорилась, и Ахмед вынужден был вернуться на родину. Разоренный и доведенный нищетой до отчаяния, отец пытался найти утешение в исламе. Утешение он действительно нашел, но денег семье это не прибавило. В отличие от отца, честолюбивый Ахмед не хотел мириться с создавшимся положением и активно искал способ его изменить. На молодого человека обратили внимание проповедники международного радикально-экстремистского исламского движения, ставшие его новыми учителями. Лидерам требовались бойцы для «священной борьбы с неверными». И обуреваемый ненавистью к тем, кто разорил его отца и заставляет нищенствовать его семью, двадцатидвухлетний Ахмед охотно встал под их знамена. Ему нравилось ощущать себя в роли мстителя, бесстрашного воина, перед которым трепещут все враги, хотя он и не до конца представлял себе образ врага. Но для молодого человека, сжигаемого жадой мести, это не имело значения. Врагов ему указывали учителя. Врагами были израильтяне, постоянно покушающиеся на исконно арабские территории, американцы, вторгшиеся на внутренний рынок и разорившие мастерскую его отца и еще тысячи мелких египетских фирм, и даже президент собственной страны, снюхавшийся с израильтянами и американцами. И первым серьезным делом, в котором принял участие Ахмед аль Рубеи, стало его участие в подготовке покушения на президента Египта Анвара Садата.

После убийства Садата в 1981 году, спасаясь от начавшихся в стране арестов, Ахмед в числе прочих заговорщиков бежал в Афганистан, пополнив там ряды иностранных наемников, сражавшихся с советскими войсками. На войне приобретенные Ахмедом знания инженера-строителя оказались чрезвычайно востребованы. Только он мог определить, какой мощности и куда нужно заложить фугас, чтобы вызванный взрывом горный обвал засыпал дорогу, сделав ее непроходимой, рухнул мост или обвалился пробитый в скале туннель, полностью раз-

рушился жилой дом или административное здание. Лидеры исламских радикалов прекрасно понимали, что изготовлению примитивных взрывных устройств из подсобных материалов можно обучить и малограмотного пастуха, но только специалист с высшим строительным образованием, изучавший сопротивление материалов и способный рассчитать прочность воздвигнутой инженерной конструкции, способен ее разрушить. А подавляющее большинство воинов Аллаха: афганских моджахедов и сражающихся на их стороне арабских наемников составляли именно такие малограмотные, а чаще вообще неграмотные пастухи и поденщики. Поэтому бывший студент инженерно-строительного института со своими поистине бесценными знаниями оказался чрезвычайно полезен для лидеров террористов. Ахмеда взял под свое покровительство один из талибских вождей, назначив его начальником учебно-тренировочного лагеря по подготовке взрывников-диверсантов.

Ахмед не стал тратить время на то, чтобы обучать прибывающих в его лагерь боевиков всем тонкостям минно-взрывного дела. Каждую группу он готовил для выполнения только одной конкретной акции. Подготовленные таким образом взрывники, как правило, погибали при подрыве собственного фугаса. Но лидеров террористов это вполне устраивало. Смерть взрывников способствовала притоку в ряды террористов новых бойцов-смертников.

Действия натасканных Ахмедом боевиков оказались настолько успешными, что командование советских войск неоднократно предпринимало попытки уничтожить их базу. В первый раз советское командование выбросило в горах, где размещался лагерь Ахмеда, группу спецназа. Из-за ошибки армейской разведки, неправильно указавшей месторасположение лагеря, высадившихся в горах русских спецназовцев удалось обнаружить и пулеметно-минометным огнем отбить их атаку. Новую попытку уничтожить базу по подготовке взрывников-диверсантов советские войска предприняли ровно через неделю. Тогда на лагерь Ахмеда было сброшено несколько десятков осколочных и фугасных бомб объемного взрыва. В результате авианалета было уничтожено более половины всех бойцов, находящихся в лагере. Но самому Ахмеду удалось спастись. Беспokoящиеся о жизни своего столь ценного инструктора лидеры террористов тут же переместили лагерь Ахмеда на территорию Пакистана, где его уже не могли атаковать российские самолеты.

В Пакистане лагерь Ахмеда превратился в настоящий учебно-тренировочный центр, где готовились боевики-диверсанты самых разных специальностей. Помимо арабских инструкторов, с боевиками занимались и несколько иностранных военных советников. Среди них оказался и майор Греймс, командовавший до этого отрядом американского армейского спецназа. Помимо обучения боевиков-моджахедов, Греймс через Ахмеда поставлял воюющим моджахедам американское оружие: автоматические винтовки, ручные и станковые пулеметы, минометы, а также переносные зенитно-ракетные комплексы «Стингер», столь необходимые для борьбы с русской авиацией.

Сотрудничество Ахмеда с американской разведкой не прекратилось и после вывода из Афганистана советских войск. ЦРУ планировало использовать своего агента, занявшего не без помощи американских спецслужб высокое положение в радикально-экстремистском исламском движении, для ослабления влияния Советского Союза, а затем и России в арабском мире и на постсоветском пространстве закавказских республик. А Ахмед продолжал получать от ЦРУ оружие и деньги, которые шли на оплату и вооружение исламских террористов. Порой исламские радикалы устраивали теракты, направленные против США, и тогда гибли американские солдаты и далекие от войны мирные обыватели. Но, судя по тому, что сотрудничество ЦРУ с Ахмедом не прекращалось и после совершенных его боевиками терактов, такое положение вещей устраивало его кураторов в ЦРУ. Иногда кураторы обращались и с более щекотливыми поручениями, одна огласка которых, по мнению Ахмеда, стоила бы им не только служебной карьеры, но и свободы, а возможно, и жизни. Интуиция сфинкса, в соответствии

с псевдонимом, присвоенным ему американской разведкой, подсказала Ахмеду, что сейчас настал именно такой случай.

– А почему вас заинтересовал мой русский? – настороженно спросил он.

– Потому что у русских есть замечательные места, которые вам непременно надо посетить, – ответил Греймс, отхлебнув изрядный глоток виски.

В течение следующего получаса, оставив в сторону виски, начальник отдела тайных операций скрупулезно излагал агенту свой план. Ахмед слушал молча, не перебивая, и, лишь когда Греймс закончил говорить, заметил:

– Вы задумали большое дело, мистер Греймс, и я рад оказанному мне доверию...

Греймс ждал продолжения. Все произнесенные агентом слова ничего не стоили и не будут стоить, пока не прозвучит «да» или «нет», потому что ответ может иметь только такую, предельно конкретную форму.

Но Ахмед не торопился произносить последнее слово. Он стремительно просчитывал в голове возможные варианты и старался решить вопрос, как реализовать план Греймса и при этом остаться в живых. Тридцать и даже двадцать лет назад он принял бы его безоговорочно, потому что не задумывался над такой категорией, как собственная жизнь. Уважение соратников и признание тысячами, а в данном случае, пожалуй, что и миллионами, единомышленников его заслуг казалось Ахмеду куда важнее сохранения собственной жизни. Но за двадцать лет многое изменилось. У Ахмеда – сына разорившегося каирского ремесленника, – когда он бежал из Египта в Афганистан, не было ничего своего, кроме собственной жизни. Даже полученный автомат, гранаты и патроны принадлежали не ему, а полковому командиру, в отряде которого он оказался. Зато у Ахмеда – члена организационного совета «Аль-Каиды» только в лондонском банке на счету хранилось более двух миллионов долларов. Он владел роскошными виллами в Египте, Сирии, Ливане и Саудовской Аравии, где в ожидании мужа и любовника содержались шесть законных жен и целый гарем многочисленных наложниц. При желании он мог поселиться в любом уголке земного шара и жить там ни в чем себе не отказывая или путешествовать по миру в окружении почетной свиты из слуг и телохранителей и в сопровождении гарема изысканных красавиц. Те, кому открыт рай на земле, гораздо меньше склонны повторить судьбу воина-шахида, для которого единственная возможность попасть в рай связана с собственной смертью. И нынешний Ахмед аль Рубеи сильно отличался от бедного юноши, сына разорившегося каирского ремесленника, сбежавшего из Египта в Афганистан для участия в священном джихаде. В то же время отказаться от участия в предложенной операции значило упустить верный и, возможно, единственный шанс заявить о себе на весь мир невиданной по масштабам акцией возмездия и стать непререкаемым лидером, вождем для всех без исключения воинов Аллаха и их многочисленных спонсоров. Но выполнить спланированную ЦРУ акцию и остаться в живых можно было только одним способом – направить вместо себя других исполнителей. Желающие найдутся. Движение никогда не испытывало недостатка в бесстрашных воинах, готовых пожертвовать жизнью ради великого дела. Но! Только непосредственные исполнители акции могут стать героями. Не спонсоры и организаторы, а исполнители! Только они, и никто больше!

И вновь Ахмеда выручил Греймс.

– Мистер Ахмед, мы запишем на пленку ваше телеобращение от имени террористов, – Греймс запоздало сообразил, что совершил ошибку, причислив своего собеседника к террористам. Но было уже поздно, и он не стал себя поправлять. – И сразу после захвата реактора выпустим ее в эфир. Вам вовсе не обязательно находиться возле реактора, весь мир и так увидит вас.

Угольно-черные глаза Ахмеда вспыхнули радостным огнем. Но даже наедине с давно знакомым ему сотрудником ЦРУ он не смог обойтись без притворно пафосного замечания:

– Я всегда готов разделить судьбу жертвующих собою братьев, но ради продолжения нашего дела принимаю ваше последнее предложение!

Греймс торжествующе улыбнулся. Столь необходимое ему «да» прозвучало. А какие при этом агентом двигали мотивы, для предстоящей операции не имело практического значения.

– Я всегда ценил вашу дальновидность, мистер Ахмед, – произнес начальник отдела тайных операций ЦРУ и, указав взглядом на распечатанную бутылку виски, поинтересовался. – Может быть, все-таки выпьете за наше взаимопонимание?

6. В мастерской иллюзий

Нью-Йорк, 7 марта, 12.10

Зайдя за спину оператора, полковник Греймс попытался заглянуть в видоискатель телевизионной камеры. Но смотреть туда мог только один человек, и Греймс, так ничего и не увидев, отошел в сторону.

В тесном помещении телевизионной студии, принадлежавшей центру общественных связей нью-йоркского отделения ЦРУ, собрались пять человек. Центральной фигурой происходящего являлся прибывший накануне в Нью-Йорк из Стамбула Ахмед аль Рубеи. Ему помогли два ближайших сотрудника Греймса, посвященные им в детали операции. По приказу своего шефа они провели похищение в Лос-Анджелесе российского гражданина, а сейчас старательно изображали вооруженных российскими автоматами и обвешанных гранатами и взрывчаткой арабских террористов, которые своим грозным видом должны были внушить ужас будущим телезрителям. Пока же в роли зрителя выступал оператор, прильнувший к окуляру наведенной на Ахмеда телевизионной камеры. Заботясь о секретности подготавливаемой акции, Греймс не стал привлекать к съемкам дополнительных людей. Поэтому оператору приходилось одновременно выступать и в роли режиссера. Но истинным режиссером, декоратором, костюмером и автором озвучиваемого Ахмедом текста являлся пятый участник съемок – начальник отдела тайных операций ЦРУ Эдвард Греймс.

– Прошу вас, сидите ровно, – обратился к Ахмеду ведущий съемку оператор. – Вы постоянно закрываете портреты.

Прищуриив глаза, Ахмед беззвучно прошептал по-арабски слова проклятья. Снова и снова он повторял перед телекамерой один и тот же текст и все никак не мог угодить оператору. Поначалу запись телеобращения к миллионам жителей захватила его, но повторяемая бесчисленное число раз процедура постепенно стала раздражать. Спустя час съемок Ахмеда раздражало уже буквально все: и метровые портреты президента Ирака и Усамы Бен Ладена на стене, за его спиной, и рыхлый увалень-оператор с равнодушной физиономией, которого совершенно не волновали звучащие в его камеру грозные слова. Но наибольшее недовольство у видного члена «Аль-Каиды» вызывало участие в съемках двух цэрэушников, переодетых по приказу Греймса воинами-шахидами. Помимо традиционного черного костюма воина-смертника, они надели на головы черные шлем-маски с узкими прорезями для глаз, на руки натянули черные перчатки с обрезанными пальцами. И хотя он смирился с привлечением статистов, но их переодевание в костюмы шахидов все равно выглядело профанацией идеи, взятой на вооружение возглавляемым им движением. Ахмед успокаивал себя тем, что об участии статистов при записи телеобращения никто и никогда не узнает, но этот самообман не мог поднять ему настроения.

Заметив, что агент готов сорваться, из-за чего съемку придется отложить, Греймс поспешил вмешаться:

– Ничего страшного, – обратился он к оператору. – В том, что герой эмоционален, нет ничего плохого. Напротив, дополнительная мимика и жесты как раз вписываются в контекст взятой им на себя миссии. А насчет портретов не беспокойтесь. Все же главным персонажем съемки является оратор, а не окружающая его обстановка.

Оператор равнодушно пожал плечами, показав, что всего лишь выполняет поступающие распоряжения. И Греймс повернулся к Ахмеду:

– А вам следует выглядеть более решительным. Вы же не проповедь читаете, а угрожаете. Не стесняйтесь потрясти кулаком для большей убедительности.

Ахмед гневно оскалится. Какой-то неверный вздумал учить его, как следует объявлять ультиматум.

– Может быть, вы еще заставите меня размахивать кинжалом для большей убедительности?! – буравя куратора уничтожающим взглядом, прорычал он.

– Да! – выкрикнул оператор, наблюдающий за актером через видеоискатель телекамеры. – Именно такой взгляд! Как раз то, что нужно.

– И идея с кинжалом мне тоже понравилась, – добавил к его словам полковник Греймс.

Через час отправленный Греймсом помощник привез в студию кривой арабский кинжал, приобретенный им в антикварной лавке. И Ахмед, получив новый реквизит, повторил перед телекамерой свое грозное обращение. Отсняв речь Ахмеда, изобилующую демонстрациями остро отточенной арабской стали, оператор одобрительно кивнул головой и повернулся к наблюдающему за съемкой начальнику отдела ЦРУ:

– Снять со звуковым сопровождением?

– Обязательно.

Греймс подошел к студийному магнитофону и нажал кнопку воспроизведения. Пространство студии наполнил голос Саддама Хусейна. Греймс слегка убавил звук, сохранив разборчивость речи иракского лидера, и, обращаясь к Ахмеду, сказал:

– Сделаем еще один дубль.

– Хватит! – взорвался Ахмед. – Вы и так сделали из меня клоуна, всучив мне этот кинжал! – Он с гневом швырнул оружие на пол. – Мало того, что вы посадили меня под портретом Хусейна, так еще хотите заставить дублировать его речи! Я служу одному Аллаху, и вы не заставите меня признать Саддама своим вождем!

Теперь уже Греймс впился взглядом в лицо Ахмеда. Агент слишком много возомнил о себе, очевидно, забыв, кто в действительности является его хозяином. А ведь ничего не стоит довести до руководителей «Аль-Каиды» доказательства его связи с ЦРУ, и участь Ахмеда будет решена. Проблема лишь в том, что для выполнения задания агент нужен живым, а не мертвым... Начальник отдела ЦРУ вынужденно прервал ход своих мыслей, почувствовав прикосновение руки оператора.

– Не беспокойтесь, – тихо, чтобы не услышал негодующий террорист, прошептал оператор. – Предыдущий дубль получился отлично, а речь Саддама можно наложить фоном при монтаже.

– Так и сделаем, – Греймс незаметно кивнул оператору. – Через час я жду от вас готовую пленку.

7. Несанкционированный контакт

Нью-Йорк, 7 марта, 15.30

Сидя в монтажной рядом с оператором, полковник Греймс внимательно наблюдал за тем, как вещает с экрана монитора его агент. Пока у Ахмеда аль Рубеи было только два зрителя и слушателя. Но после того как обращение лидера террористов, захвативших ядерный реактор, передадут все мировые телеканалы, аудитория его зрителей будет исчисляться миллионами. Весь мир, затаив дыхание, будет следить за развитием драмы в России. Следить и ненавидеть режим Саддама, режим, покрывающий и руководящий международными террористами. Вслушиваясь в звучащие с экрана телевизионного монитора грозные слова Ахмеда и наложенную на них речь иракского лидера, Греймс внутренне торжествовал. Совмещение выступления лидеров террористов с речью президента Ирака должно было окончательно убедить зрителей, что террористы действуют по прямому указанию Саддама Хусейна. Произнеся последнее слово, Ахмед зловеще взмахнул кинжалом, словно чиркнул лезвием по горлу воображаемого слушателя. Сразу после этого на экране возникла рябь, означающая конец записи.

– Сколько длится все выступление? – поинтересовался начальник отдела ЦРУ.

– Три минуты, – с готовностью ответил оператор.

– Отлично! Это именно то, что нужно, – Греймс одобрительно хлопнул оператора по плечу. – Перегоните запись на микрокассету. Я должен показать пленку в Лэнгли.

Греймс стремительно поднялся со стула и, выйдя из монтажной, прошел в грим-уборную. Там его с нетерпением ожидали уже переодевшиеся в свои обычные костюмы помощники и отдыхающий после записи своего телеобращения лидер террористов.

– Запись получилась? – первым делом поинтересовался Ахмед.

– Просто отлично! Именно так, как надо, – заверил его Греймс.

– Я бы хотел сам посмотреть пленку, – требовательно сказал Ахмед.

Греймс ожидал такого требования, поэтому заранее заготовил ответ:

– Сейчас на это нет времени. Пленку ждет мое руководство, поэтому я немедленно вылетаю в Вашингтон. Вернусь к вечеру, самое позднее к завтрашнему утру. Ждите меня в коттедже. Мои помощники сейчас отвезут вас туда.

И, пресекая возможные возражения своего агента, Греймс поспешно вышел из грим-уборной.

Тем временем в монтажной студии оператор извлек записанную кассету из чрева видеомангитофона и, пройдя несколько метров по коридору, вошел в аппаратную, где работал его ассистент.

– Том, бросай все! – обратился он к тощему нескладному парню в круглых жабьих очках. – И срочно перепиши это на микрокассету.

– А что там? – поинтересовался Том, принимая из рук оператора принесенную им видеокассету.

– Не твоего ума дело! – отрезал оператор. – И не вздумай болтать, это дело государственной важности.

Довольный тем, как он строго поставил на место этого сосунка, оператор вышел из аппаратной. Ощущения собственной власти над другими людьми всегда нравились ему. Именно ради них он и поступил на службу в ЦРУ. Правда, власть удавалось применять только к собственным ассистентам да еще нескольким работникам студии. Но оператор надеялся, что со временем все изменится.

Том Кермит проводил хмурым взглядом своего начальника, пока тот не скрылся за дверью аппаратной. «Жиреющий бездарь, пьяница и хам», – как ни хотелось Тому выкрикнуть оскорбления в спину оператора, но они отзывались эхом только в его голове. Подчиненному, если только он не хочет потерять работу, приходится тщательно скрывать от начальника свое истинное мнение о нем. Однако с некоторых пор у Тома Кермита имелся иной способ мстить своему шефу. Это была тайная месть, о которой не подозревали ни сам оператор, пришедший в экстаз от унижения своих сотрудников, ни его непосредственное начальство в региональном отделении ЦРУ, ни высшие руководители американской разведки. К тому же месть приносила неплохой доход. Во всяком случае, Том практически безболезненно для своего бюджета пережил бракоразводный процесс, грозивший разорить его.

Молодой человек вставил в устройство воспроизведения полученную от начальника кассету, но подключил к нему не одно, а сразу два записывающих устройства. Через три минуты в его распоряжении оказались две копии полученной пленки. Том вынул из магнитофона одну из микрокассет, и в этот момент за его спиной открылась дверь аппаратной, и на пороге возник оператор:

– Готово?

Том поспешно сунул кассету себе под ремень, после чего повернулся лицом к оператору.

– Ты чего, мастурбируешь? – хохотнул оператор, от которого не укрылось порывистое движение ассистента к собственной ширинке.

Лицо Тома залилось краской.

– Только что закончил, – проигнорировав последний вопрос начальника, ответил он и указал взглядом на второй магнитофон, в окне которого находилась другая микрокассета.

– Ну раз кончил, тогда отойди. А то еще забрызгаешь, – оператор вновь рассмеялся своему остроумию.

Отстранив ассистента, он сам прошел к видеомангнитофону и вынул из его окна записанную микрокассету, затем извлек исходную кассету и, прихватив обе кассеты, покинул аппаратную. Том вновь остался один. Последняя пошлая шутка начальника еще более укрепила его в принятом решении.

По окончании рабочего дня с уличного телефона-автомата он сделал один звонок и, переговорив со своим собеседником, отправился в известный ему бар, расположенный в деловой части Нью-Йорка. По вечерам в баре всегда было многолюдно. Чтобы по пути домой выпить бокал пива или стаканчик виски, туда заходили возвращающиеся с работы мелкие клерки, к числу которых принадлежал и Том Кермит. Взяв у бармена большой бокал пива, Том уселся на одно из освободившихся мест в заполненном посетителями зале.

Ровно через два часа после его телефонного звонка в бар вошел невысокий мужчина в сером, изрядно помятом костюме. Он зафиксировал наметанным взглядом сидящего за столиком Тома Кермита и направился к барной стойке. Том, взгляд которого был направлен в сторону входной двери, тоже увидел вошедшего в бар нового посетителя, в котором узнал своего телефонного собеседника. При его появлении он достал из кармана пачку сигарет, выудил и сунул в рот одну сигарету, а саму пачку положил на стол рядом с собой. Вскоре к его столику подошел недавний телефонный собеседник с бокалом двойного виски в руках. Он не стал здороваться и молча опустился на стул рядом с Томом. Так же молча он выщедил свое виски, похозяйски сунул себе в карман выложенную Томом пачку сигарет и, не попрощавшись со своим знакомым, вышел из бара.

Оставшийся за столиком Том Кермит облегченно перевел дыхание: конспиративная встреча состоялась. Он передал, а сотрудник российского консульства в Нью-Йорке получил сделанную им копию видеозаписи. Если запись представляет для русских интерес, значит, завтра на его личный счет упадут несколько тысяч долларов. Если на пленке ничего интересного

для них нет, сумма перевода составит пятьсот долларов, что тоже неплохо. Достойная плата, чтобы компенсировать риск.

В отличие от Тома Кермита, избавившегося от опасной улики, для офицера Службы внешней разведки России, работающего в США под прикрытием сотрудника российского консульства, риск, напротив, значительно возрос. Так как ему еще предстояло добраться до российской дипломатической миссии, имея при себе видеокассету с материалами Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов. Российский разведчик понятия не имел, что за информация записана на кассете, но догадывался, что ее обладателю она может стоить свободы, а то и жизни. Американские спецслужбы нещепетильны. Поэтому вместо цивилизованного задержания с соблюдением всех норм международного права подозреваемому в шпионаже дипломату вполне может проломить голову какой-нибудь громила с бейсбольной битой или обмотанной вокруг кулака мотоциклетной цепью. Постоянно помня об этом, разведчик тщательно проверялся по дороге к консульству и, шагая по улицам Нью-Йорка, избегал темных и безлюдных мест, как и встреч с подозрительными компаниями. Но награда за риск превзошла все ожидания. Когда разведчик, запершись в рабочем кабинете, вставил принесенную микрокассету в видеоплеер и включил воспроизведение, то понял, что не зря встречался с агентом. И еще он понял, что должен немедленно передать запись в Москву. Через полтора часа добытая в результате агентурной встречи видеозапись по каналам спецсвязи ушла в Москву, в штаб-квартиру Службы внешней разведки.

8. Оперативные данные

Штаб-квартира СВР, Ясенево, Москва, 10 марта, 10.35

– ...вы можете с ног до головы обвешаться оружием, и все равно останетесь трусами. Но как шакалы не могут победить льва, так и вы со своими шакальими мыслями никогда не сможете победить бесстрашного воина Аллаха с львиным сердцем! В отличие от всех вас у нас нет ни авианосцев, ни подводных лодок, ни армад бомбардировщиков, ни танковых полчищ. Но в отличие от вас мы не боимся умереть за наше дело: свободу мусульман и торжество ислама во всем мире. Поэтому мы непобедимы! Мы долго терпели, как вы распорядились на захваченных вами исконно арабских территориях Палестины, как истребляли братьев-мусульман в Чечне. Но когда вы стали грозить нашим иракским братьям, стягивая к их границам свои механизированные армады, нашему терпению пришел конец! Вы принесли огонь в наши дома и теперь испытаете на себе грозный огонь возмездия! У вас есть только один способ избежать нашей священной кары! Немедленно отведите свои войска от границ Ирака и освободите захваченные вами земли Афганистана, Палестины и Чечни! У вас есть двадцать четыре часа, чтобы выполнить наши требования. В противном случае вы познаете всепокрушающую силу священного огня возмездия!

Закончив свою речь, террорист грозно взмахнул кривым кинжалом, нацелив его точно в объектив снимающей его видеокамеры. Это был последний кадр полученной из Нью-Йорка пленки, сразу после которого на экране монитора возникла одноцветная заставка. Директор службы внешней разведки переключил в дежурный режим монитор своего настольного компьютера, по которому просматривал видеозапись с заявлением террориста, и снял с переносицы очки. В последнее время, даже в очках, при долгой работе за экраном компьютера или продолжительном просмотре добытых службой видеоматериалов у него стали уставать глаза. Директор помассировал пальцами переносицу и повернулся к вызванному им начальнику аналитического управления:

– И какова ваша оценка увиденного?

В ежесуточной докладной записке Службы внешней разведки о внешнеполитических событиях, представленной президенту страны и занимавшей всего два листа, сообщение о добытой нью-йоркской резидентурой видеозаписи с ультиматумом террористов прошло одной строкой. Но президент, сам в прошлом руководитель спецслужбы, мог потребовать более детальной информации о выдвинутом террористами ультиматуме с оценкой реальности его угрозы. Поэтому директор СВР, подписав подготовленную для президента докладную записку, распорядился доставить ему полученную видеозапись и вызвал к себе начальника управления анализа и оценок.

Руководитель службы, пожилой генерал-майор, надевающий форму, как и большинство сотрудников СВР, только по торжественным случаям, хитровато усмехнулся и сказал:

– Хорошая запись. – На лице директора СВР отразилось недоумение, и начальник аналитического управления поспешил уточнить: – Я имею в виду: качественная. Обратите внимание на освещенность, четкость переднего и заднего плана. Все говорит за то, что это не съемка бытовой видеокамерой, а качественная студийная запись, сделанная с помощью профессиональной аппаратуры. Могу для сравнения представить вам несколько аналогичных заявлений. Ничего общего. Там или освещенность не та, или резкость недостаточная, или камера дрожит.

– Значит, запись студийная, – подвел итог руководитель СВР.

– Вне всякого сомнения, – подтвердил начальник аналитического управления.

– Ну а в отношении реальности угроз?

– Гм, – генерал-майор кивнул на монитор. – Говорит он очень убедительно. Чтобы так говорить, надо быть или очень хорошим актером, или действительно верить в свои слова.

– А почему вы вообще заговорили об актерах? – живо поинтересовался директор СВР.

Начальник аналитического управления, являющийся крупным специалистом по Ближнему Востоку и арабским странам, ненадолго задумался, чтобы четче сформулировать возникшие у него сомнения, и попросил:

– Можно еще раз включить запись? – Когда на экране монитора вновь появились террористы, он сказал: – Обратите внимание на этих двух боевиков, позирующих перед камерой. На них костюмы шахидов со всем антуражем: пояса из взрывчатки, ручные гранаты, чулки-маски. А шакиды, как правило, не прячут своих лиц. Тем более что их лидер без маски.

– Думаете, эти двое могут быть актерами? – задал прямой вопрос директор внешней разведки.

– Прямо утверждать это я бы не стал, но и отрицать – тоже, – выбрал обтекаемый ответ начальник аналитического управления.

– Значит, вы не исключаете возможность инсценировки?

– С учетом того, откуда была получена пленка, и того, как старательно пытаются террористы привязать себя к президенту Ирака, что в нынешних обстоятельствах как раз и нужно американцам, я бы сказал, что вероятность инсценировки довольно высока, – сделал заключение начальник аналитического управления.

– Я вас понял.

Директор СВР кивнул головой. Получить в разведке стопроцентные доказательства удается крайне редко. Чаще всего приходится довольствоваться вероятностной оценкой. А когда эта оценка достаточно высока, то именно она и принимается за истину. И все же директор Службы внешней разведки не мог просто так отмахнуться от добытой его сотрудниками видеозаписи с ультиматумом террористов. Поэтому, по его указанию, видеозапись вместе с комментариями сотрудников управления анализа и оценок была передана в Федеральную службу безопасности России. Исходя из характера высказанных террористами угроз, видеозапись из центрального аппарата ФСБ была направлена в Департамент по борьбе с терроризмом и в итоге оказалась на столе у начальника управления «В» Центра спецопераций генерал-майора Углова.

* * *

Дважды просмотрев видеозапись и ознакомившись с мнением аналитиков СВР, Углов вызвал к себе начальника оперативного отдела полковника Бондарева.

– Из СВР сегодня интересный видеофильм прислали. Хочешь взглянуть? – обратился он к Бондареву.

– Отчего же не взглянуть, если сюжет интересный, – усмехнулся начальник оперативного отдела.

Вслед за командиром «Вымпела» он прошел в пристроенную к его кабинету комнату отдыха, где имелся большой плазменный телевизор с широким экраном и подсоединенными к нему видеомagneтофоном и проигрывателем DVD-дисков. Через секунду на экране появились трое вооруженных террористов, расположившихся под зеленым знаменем и огромными портретами Саддама Хусейна и Усамы Бен Ладена. Пока террористы молчали, можно было отчетливо слышать раздающуюся откуда-то из глубины помещения транслируемую по радио речь Саддама Хусейна. Но вот главарь террористов взмахнул кривым арабским кинжалом, и с экрана зазвучали его угрожающие слова.

Досмотрев до конца, Бондарев покачал головой и, обращаясь к начальнику, быстро спросил:

– Откуда разведчики это получили?

– Из Штатов, – также быстро ответил ему Углов. – От своей нью-йоркской резидентуры.

– Тогда понятно, как Саддам оказался рядом с Усамой, – усмехнулся Бондарев.

– Полагаешь: запись – фальсификация?

– А ты думаешь иначе? – задал встречный вопрос Бондарев. – Уверен, коллеги из СВР разделяют мое мнение.

– Разделяют, – подтвердил его предположение командир «Вымпела». – А что, если не фальсификация?

Бондарев надолго задумался и даже почесал свой насуспенный лоб, что сделало его еще более похожим на хрестоматийного российского мужика. Наконец он снова заговорил:

– По всем внешним признакам запись – подделка, причем довольно грубая, рассчитанная на сознание массового зрителя. Отсюда и демонстративно вывешенное на стену знамя джихада, и соседство портретов иракского президента и самого известного международного террориста, и закадровая речь Хусейна. Постановщики недвусмысленно дают понять зрителю, что за террористами стоит Саддам Хусейн. Сами террористы: обвешенные взрывчаткой и гранатами шахиды в черных масках и их лидер, постоянно потрясающий в воздухе своим кинжалом. Вся эта демонстрация оружия опять же направлена не столько на то, чтобы напугать зрителей, сколько обозлить их. И, наконец, заведомо невыполнимый ультиматум, не имеющий конкретного адресата. Такой безадресный ультиматум, как и вся видеозапись, нужна прежде всего самим американским спецслужбам, чтобы восстановить мировое общественное мнение против иракского режима и оправдать вооруженную интервенцию в Ираке.

– И что, отнестись к ней, как к забавному сюжету, не имеющему ничего общего с реальностью? – задал прямой вопрос командир «Вымпела».

– Ни в коем случае! – живо возразил ему начальник оперативного отдела. – Кто бы ни стоял за этими террористами, – он кивнул на экран телевизора, – но их угрозы звучат вполне серьезно. Значит, и мы должны отнестись к ним со всей серьезностью. Думаю, будет разумно передать эту запись в наш отдел. Пусть мои парни поработают с ней. Подключат технарей и аналитиков. Глядишь, что-нибудь интересное да обнаружат.

– Так и сделаем, – подвел итог беседы генерал Углов. – Работайте с записью, а я распоряжусь передать снимки этого террориста в наши международные аэропорты и на пограничные переходы. В данных обстоятельствах это единственное, что мы можем реально сделать. – Он на несколько секунд замолчал, обдумывая собственное решение, потом вдруг пристально взглянул в лицо своего друга и поинтересовался: – Кстати, кому ты собираешься поручить работу с записью?

– Группе Федотова, – хитровато прищурившись, ответил Бондарев. – Пора уже поручить новичкам самостоятельное дело. Да и во всей этой технике, – он вновь указал взглядом на плазменный телевизор с подсоединенным к нему DVD-проигрывателем, – они больше нас, стариков, понимают.

– Добро, – согласился Углов. – Только держи это дело под личным контролем. Мне не дает покоя один момент: если данная видеозапись инспирирована американскими спецслужбами, почему они до сих пор не обнародовали ее?

9. Путь к цели

Аэропорт Кеннеди, Нью-Йорк, 10 марта, 21.05

Гуляющий по летному полю ветер швырял в лицо холодные дождевые капли. Они стекали по щекам и подбородку, умудряясь каким-то образом проникать за воротник. Из-за чего служащий аэропорта, вынужденный сопровождать неизвестного ему государственного чиновника, постоянно морщился и то и дело косился на неподвижно застывшего возле него полковника Греймса. Греймс вышел на летное поле в легкой матерчатой ветровке и бейсбольной кепке, но, казалось, совершенно не замечал ни дождя, ни ветра. Все внимание начальника отдела тайных операций было приковано к поднявшемуся в воздух «Боингу-747», на борту которого находился его агент.

Нагруженный четырехмоторный лайнер только что оторвался от взлетной полосы и теперь тяжело взбирался в небо. Эдвард Греймс никогда не любил большие пассажирские самолеты. Тихоходные и неповоротливые, они представлялись ему крайне уязвимыми для огня противника, что наглядно продемонстрировал русский летчик, сбивший в восемьдесят третьем году в районе Сахалина южно-корейский «Боинг». «А вдруг русские, узнав о планах Сфинкса, попытаются сбить его самолет?! – внезапно подумал Греймс. – Впрочем, нет, – тут же успокоил он самого себя. – Кишка у них тонка. Потому они и не могут разобраться со своими сепаратистами в Чечне. Они могли так поступить в восемьдесят третьем, но не сейчас. Да и как они могут узнать? О том, что Сфинкс вылетел этим рейсом, знаю только я. Да и самолет направляется на Мальту, а не в Россию. Значит, сейчас Сфинксу ничего не угрожает».

Начальник отдела тайных операций представил, как его агент удобно расположился в салоне первого класса, но все же это не помогло ему избавиться от подспудно возникшего чувства тревоги. Привыкший в любых обстоятельствах полагаться только на самого себя, ветеран-спецназовец был суеверен, поэтому, провожая агента на задание, надел под ветровку свою армейскую рубашку. Дождливую погоду на момент вылета и низкие тучи над аэродромом, являющиеся для спецназа фактором скрытности, полковник рассматривал как хорошую примету. По мнению Греймса, операция, отмеченная двумя хорошими приметами («счастливая» рубашка и погода) против одной плохой (уязвимый самолет), имела высокие шансы на успех.

Греймс запрокинул голову, чтобы держать в поле зрения набирающий высоту самолет: «Итак, операция началась. Сделано все необходимое, чтобы она развивалась успешно. Агент снабжен безупречными документами и тщательно проинструктирован. К тому же Сфинкс не новичок и знает, как себя вести. Доказательство тому – его нынешнее положение в «Аль-Каиде». И самое главное: Сфинкс лично заинтересован в успехе предстоящей акции, что должно удесятить его усилия». Проводив взглядом растворившийся в пелене облаков самолет, полковник Греймс устало прикрыл глаза... Он сделал все от него зависящее: разработал и спланировал операцию, с точностью корректировщика навел агента, словно крылатую ракету, на цель. Тому осталось только поразить ее.

* * *

В салон первого класса, отделенный двойной обшивкой от фюзеляжа и от остальных отсеков воздушного лайнера, практически не проникал шум турбин. Только что погасла сигнальная надпись, предписывающая пассажирам пристегнуть ремни безопасности, свидетельствуя о наборе заданной высоты. Сидящая в четвертом ряду рядом с Ахмедом пожилая дама

без единой морщины на лице, но с дряблой старческой кожей на руках и шее, доказывающей, что ее гладкое лицо – результат многочисленных пластических операций, натянула на глаза темную повязку и максимально откинула спинку своего кресла. Сразу после взлета она приняла таблетку транквилизатора, явно собираясь спать во время длительного перелета, чем весьма обрадовала Ахмеда, которого поначалу раздражало соседство с молодящейся старухой. Едва погасло предупреждающее табло, в салоне появилась белозубая стюардесса с точеной фигурой, предлагающая пассажирам карты вин. Ахмед оценивающе глянул на шествующую вдоль рядов кресел стюардессу, сравнивая ее с бортпроводницами, обслуживающими рейс Стамбул – Нью-Йорк. У новой стюардессы была несколько иная униформа. Внешностью же она практически не отличалась от своих коллег со стамбульского рейса: такая же молодая, достаточно высокая и стройная, со светлыми, струящимися по плечам волосами. Стандарты подбора стюардесс для обслуживания пассажиров первого класса на всех линиях были едины.

«Интересно: она натуральная блондинка или всего лишь обесцветила волосы? – внезапно подумал Ахмед, разглядывая приближающуюся к нему по проходу девушку. – Вот бы проверить: задрать на ней форменную юбку, а заодно пощупать волосы у нее между ног!» Словно прочитав мысли Ахмеда или просто почувствовав неловкость от его пристального взгляда,двигающаяся по салону стюардесса сбилась с плавного шага. Поравнявшись с Ахмедом, она неловко оступилась. Но все же служебный долг пересилил, и девушка протянула пассажиру карту предлагаемых на борту напитков. «Встреться ты мне где-нибудь в другом месте, я бы заставил тебя подчиниться», – усмехнулся Ахмед, протянув руку за поданной стюардессой глянцевою картонной папкой. Эта улыбка словно током ударила девушку. Она вздрогнула и выронила папку из своей руки. Но Ахмед ловко поймал выпавшую карту вин на лету и даже кивнул стюардессе в знак благодарности. Он часто и охотно пользовался своим подавляющим взглядом, взглядом, заставляющим приговоренного к смерти пленника рыдать и биться в истерике еще до того, как он увидит нож палача. Стюардесса тоже не стала исключением. Она в ужасе отшатнулась от Ахмеда и, торопливо сунув в руки другим пассажирам оставшиеся у нее карты вин, скрылась в служебном помещении. Ахмед довольно улыбнулся: «Окажись я с ней наедине, я бы заставил девчонку безропотно раздеться, даже не прибегая к насилию». В течение восьмичасового перелета он еще несколько раз пробовал на белокурой стюардессе и ее напарнице гипнотическую силу своего взгляда, заставляя девушек сбиваться на середине фразы, испуганно бледнеть и совершать неловкие суетливые движения, пропитанные страхом. Он настолько запугал молодых стюардесс, что, когда после приземления, при выходе из самолета, прикоснулся к руке одной из них, чтобы поцеловать ее, девушка в панике отдернула руку, словно ее ударило током, и, забыв про свои обязанности, бросилась в служебный отсек. Такая реакция перепуганной девушки доставила Ахмеду куда больше удовольствия, чем возможность поцеловать ее руку.

10. Исполнители

Международный аэропорт, Мальта, 11 марта, 11.20

В отличие от Нью-Йорка, на Мальте ярко светило солнце. От луж, оставшихся на асфальте после полива летного поля, поднимался густой пар. Ахмед легко сбегал по трапу и, не задерживаясь у самолета, сразу вошел в распахнутые двери широкого, словно военный тягач, и такого же огромного пассажирского автобуса. Автобус доставил Ахмеда вместе с первой партией пассажиров нью-йоркского рейса к растянувшемуся на всю ширину летного поля зданию аэровокзала. Пройдя достаточно формальный паспортный и таможенный контроль, Ахмед направился в зал для транзитных пассажиров. Достал из кармана мобильный телефон и быстро набрал интересующий его номер. Абонент ответил после первого гудка.

– Я прибыл, нахожусь в зале для транзитных пассажиров, напротив табло, – объявил Ахмед, услышав в трубке арабскую речь, и тут же отключился.

Вероятность прослушивания или пеленгации его телефона была ничтожно мала. Тем не менее он не стал пренебрегать укоренившимися в нем правилами конспирации. Сообщив о своем местонахождении, Ахмед отошел к расположенному в глубине зала бару фаст-фуд, где, чтобы не выделяться среди жующих и запивающих пассажиров, купил бутылку кока-колы с вставленной в ее горлышко пластмассовой трубочкой. Потягивая через соломинку изобретенный и разрекламированный американцами на весь мир напиток, Ахмед незаметно наблюдал за появляющимися у электронного табло пассажирами. Двух смуглых мужчин характерной арабской внешности он заметил сразу, но еще несколько минут наблюдал за ними, стоя в отдалении.

Привлекшие его внимание мужчины вели себя уверенно и спокойно. За ними никто не следил. Во всяком случае, Ахмед не заметил проявляемого к ним интереса со стороны других пассажиров или служащих аэропорта. На спокойной Мальте, являющейся огромной перевалочной базой для направляющихся во все уголки земного шара туристов, никому не было дело до двух выходцев с Ближнего Востока, остановившихся напротив электронного табло с информацией о вылетающих рейсах. Хотя узнай администрация аэропорта, кем в действительности являются эти двое, и аэропорт был бы немедленно закрыт, а все вылетающие рейсы задержаны для проверки багажа пассажиров на предмет наличия оружия и взрывных устройств. Их лица не были известны сотрудникам полиции и спецслужб, хотя именно они стояли за десятками террористических актов, прокатившихся по всему миру в конце минувшего и начале нынешнего века.

Двух человек, способных одним только признанием рода своих занятий на много часов парализовать работу крупнейшего международного аэропорта Европы, звали Омар и Абуизид. Кроме этих, они имели еще множество других, часто сменяемых имен и фамилий, которые даже не старались особенно запоминать, потому что не собирались с ними жить. Они готовились умереть. Умереть, как подобает истинным воинам джихада, унеся с собой в могилу тысячи, а если удастся, то и миллионы жизней своих врагов. Они жили для того, чтобы убивать, и убивали, чтобы после собственной смерти попасть в обещанный им мусульманский рай, фанатично веря, что туда попадают только доблестные бойцы. Их долго и методично этому учили. Сначала в центре по подготовке коммандос на пакистанской военной базе в Пешаваре, где в течение нескольких лет они овладевали различными видами индивидуального оружия, средствами связи, приемами маскировки и рукопашного боя. Полученные навыки убийства с помощью контактных и бесконтактных мин, ручных и реактивных гранат, пулеметов и автоматов, метательных ножей, подручных средств, а за их неимением – голыми руками они успешно

применяли во время индо-пакистанских приграничных конфликтов, а также в спецоперациях по уничтожению бенгальских повстанцев. Командование сил специального назначения Пакистана оценило мастерство своих бойцов и включило Омара и Абузида в состав специальной группы коммандос, которая, в случае начала широкомасштабной войны с Индией, должна была захватить индийские ядерные объекты, в том числе реакторы по производству оружейного плутония и урана. На новом месте службы с Омаром и Абузидом установили контакт лидеры одной из исламских радикальных организаций, действующей на территории Пакистана, давно и упорно проявляющие интерес к спецназовцам, ориентированным на захват ядерных объектов.

Когда о связи бойцов элитного подразделения с исламскими радикалами стало известно командованию сил специального назначения, Омар и Абузид были немедленно уволены из вооруженных сил Пакистана. Но, лишившись погон, они не остались без дела. Лидеры исламистов направили новых членов своего движения в лагерь подготовки боевиков, где их новым наставником стал Ахмед аль Рубеи, за которым к тому времени уже закрепилось прозвище Карающий. Попав под влияние Карающего, Омар и Абузид примкнули к объединению воинов-шахидов. Но Ахмед, зная об уровне подготовки новых бойцов своего отряда смертников, берег Омара и Абузида для особого случая. Они обучали шахидов в учебно-тренировочном лагере Ахмеда и руководили действиями диверсионных групп, сформированных из бойцов-смертников. Подготовленные и направляемые ими боевики провели несколько террористических актов в Афганистане, Индии, Израиле и Ливане, унесших в общей сложности более сотни человеческих жизней: католиков, протестантов, иудеев и мусульман.

По поручению Ахмеда, в 2000 году через Афганистан, Туркменистан и Азербайджан Омар и Абузид направились в Чечню. Пройдя через шесть границ, они оказались в России, где в течение двух лет подготовили несколько десятков боевиков-смертников, совершивших множество террористических актов в Чечне и соседних с ней северокавказских республиках. После развернутой российскими спецслужбами охоты за командиром отряда шахидов и его ближайшими помощниками, в результате которой были уничтожены сам командир отряда и начальник его штаба, Ахмед отозвал своих инструкторов назад. И вновь, в очередной раз продемонстрировав свое мастерство, Омар и Абузид благополучно выбрались из России и вернулись в лагерь Ахмеда.

Когда Греймс рассказал Ахмеду о предстоящей задаче и предложил подобрать исполнителей, тот без раздумий выбрал среди подчиняющихся ему шахидов Омара и Абузида, как наиболее опытных и квалифицированных бойцов. К тому же куратор настоятельно рекомендовал использовать в акции только владеющих русским языком боевиков. А Омар и Абузид за два года, проведенных в Чечне, научились более или менее сносно изъясняться по-русски. За годы войны в Чечне там побывало немало арабских наемников, освоивших русский язык. Но по сравнению с ними у Омара и Абузида имелось неопределимое преимущество – только они знали, как устроен ядерный реактор, и разбирались в его системе управления. А значит, могли вызвать ядерный взрыв! Ахмед связался с боевиками за день до своего вылета из Соединенных Штатов и приказал им прибыть на Мальту, назначив встречу в международном аэропорту. Общаясь с ними по телефону, он не стал раскрывать деталей предстоящей акции. Но в этом и не было необходимости. Абузид и Омар готовы были выполнить любой приказ своего лидера. Багаж каждого состоял из небольшого туристического рюкзака.

Поставив недопитую бутылку на ближайший столик, Ахмед вышел из фаст-фуда и направился к своим бойцам. Они сразу увидели его, и их малоподвижные лица на мгновение осветились радостными улыбками, но сейчас же вновь стали сосредоточенными. Настоящий воин постоянно находится в готовности встречи с Аллахом, поэтому не должен демонстрировать своих чувств.

– Здравствуй, амир,⁵ – Омар первым шагнул навстречу Ахмеду и, крепко обняв, прижался щекой к его щеке.

– Здравствуй, брат, – ответил на приветствие Ахмед.

– Рады видеть тебя в добром здравии, амир, – вслед за Омаром приложился к щеке Ахмеда Абуизид.

– Воину, пока он не выполнил своего предназначения, некогда болеть.

– Мы готовы выполнить свое предназначение, – тут же отреагировал на замечание Ахмеда Омар. – Только отдай свой приказ, амир!

Ахмед собирался ответить, но тут его внимание привлекла перемещающаяся по залу сине-красная униформа. Он скосил глаза в сторону и увидел идущую через зал белокурую стюардессу, которая так пугалась его пристального взгляда. Глядя на девушку, Ахмед едва заметно улыбнулся. А ведь прикажи он сейчас своим бойцам, и те, не обращая внимания на прочих находящиеся в зале пассажиров и служащих аэропорта, сорвут с девчонки одежду, вспорют живот или перережут горло. Потому что они действительно готовы выполнить абсолютно любой его приказ. Но столь глупая выходка сорвет предстоящую акцию. Поэтому бело-брысая девчонка может спокойно идти дальше своей дорогой, не догадываясь, как ей повезло.

– Вам предстоит великое дело! – наконец оторвав взгляд от удаляющейся стюардессы, ответил Ахмед на вопрос Омара. – Вы добудете для нашего движения священный огонь возмездия, доказав, что для бесстрашных воинов Аллаха нет ничего невозможного. Но о деталях узнаете позже, когда прибудем на место. А сейчас идемте. Регистрация пассажиров московского рейса начнется у шестнадцатой стойки.

Сориентировавшись по указателям, Ахмед направился к стойке регистрации номер шестнадцать. Следом, немного отстав от него, двинулись двое боевиков-шахидов, которым предстояло стать взрывателями несущейся к цели крылатой ракеты.

⁵ *Амир* – глава и организатор деятельности в тайных исламских организациях.

11. Сотрудник оперативного отдела «Вымпела» капитан Овчинников

*Центр специального назначения ФСБ РФ,
Балашиха, Московская область, 11 марта, 17.00*

Весь день мы занимались пленкой. Вернее, не пленкой, а записью на DVD-диске, который поутру вручил нам Бондарев, вызвав нас с Валькой к себе в кабинет. Получив диск, Валька сразу же отправился к технарям за проигрывателем, а меня послал за телевизором. Телевизор, точнее, моноблок: телевизор и видеомагнитофон в одном корпусе у нас свой, а более хитроумные штучки, вроде цифровых фото- и видеокамер или DVD-проигрывателей, имеются только в оперативно-техническом отделе. Пока я разыскивал по отделу моноблок, вернулся Валька с проигрывателем под мышкой. Увидев в его руках проигрыватель, я испытал нечто похожее на ревность. Когда, примерно месяц назад, нам понадобилась цифровая фотокамера, мне пришлось дважды ходить в ОТО,⁶ причем выдали мне ее только по соответствующе оформленной и подписанной Бондаревым заявке. Валька же, пользуясь положением командира оперативной группы, похоже, получил проигрыватель без всяких бюрократических формальностей. Я, конечно, и виду не показал, что позавидовал его начальственной хватке, молча подсоединил проигрыватель к монитору, Валька вставил в приемное окно диск, и мы уселись смотреть запись.

Записи всего оказалось на три минуты – я засек это по своим наручным часам. На мой взгляд, ничего примечательного: истеричное выступление очередного оголтелого террориста, объявившего себя защитником всех обиженных мусульман и борцом с их угнетателями. Угнетателей он особо не выделял, свалив в одну кучу англичан и американцев, осаждающих Ирак, израильтян, уже третье тысячелетие делящих с палестинцами одни и те же земли, а заодно и российскую армию и спецслужбы, взявшиеся освободить чеченцев от их же собственных бандитов. В этом выступлении, сопровождающемся демонстрацией приемов ножевых ударов, меня насторожили угрозы террориста о применении всеокрушающей силы священного огня возмездия. Что это за грозный огонь, если не ядерное оружие?! Однако представить, что каким-то террористам удалось заполучить в свои руки даже единичный ядерный боеприпас, я мог только в кошмарном сне. Настолько невероятным выглядело такое предположение.

Вальку же более всего заинтересовал тот антураж, которым террористы обставили свое выступление. Меня, признаться, тоже удивило соседство портретов Хусейна и Бен Ладена. У каждой исламской радикальной организации имеется свой лидер, причем только один! Для чего очередным террористам понадобилось причислять к своим лидерам еще и иракского президента, мне совершенно непонятно. Я задал этот вопрос Вальке Федотову, как-никак он теперь мой непосредственный начальник. Но он оставил его без ответа и вместо этого вновь пустил запись. В итоге мы прогнали ее, наверное, раз десять. За это время Валька набросал на листке не менее десятка вопросов, половину из которых подбросил ему я. Прочитав все родившиеся у нас вопросы, Валька отложил ручку и сказал:

– Надо обращаться за помощью к отошникам. Если запись – фальшивка, без их специальной аппаратуры этого не выявить.

Тоже мне вывод. Я это понял еще до того, как Валька взялся за авторучку.

⁶ ОТО – оперативно-технический отдел.

Он достал диск из проигрывателя, и мы с ним отправились в технический отдел. Правда, перед этим мой друг все-таки позвонил Бондареву и попросил его перезвонить в ОТО, чтобы там с пониманием отнеслись к цели нашего визита. Технари страсть как любят изображать загруженность работой, и заставить их что-нибудь сделать без соответствующего приказа начальства практически невозможно. Но начальник нашего отдела умеет добиваться своего, и в итоге, когда мы с Валькой появились в техническом отделе, в наше распоряжение выделили целую лабораторию. Валька выложил перед принявшим нас руководителем лаборатории, а может, его замом или простым лаборантом – кто их разберет, когда они все в белых халатах, – список родившихся у нас вопросов и вручил ему диск. Тот отметил галочками где-то треть всех вопросов и объявил:

– Вот в этих попытаемся разобраться, а все остальное – не наш профиль.

«А чей?» – хотел спросить я, но Валька меня опередил, правда, спросил совсем другое:

– Когда вы сможете дать заключение?

– Завтра в это же время, – ответил ему спец из технического отдела.

– А если сегодня? – настаивал Валька.

– Сегодня только предварительное, – усмехнулся спец, а его помощники или подчиненные быстро переглянулись. – Подходите к пяти часам. Может, что-нибудь и будет.

Ровно в семнадцать ноль-ноль мы вновь постучались в дверь технической лаборатории.

– А-а, это вы, – заметил начальник лаборатории, открыв дверь, словно ожидал увидеть кого-то другого. – Заходите.

То, что он предложил нам войти, вселило в меня надежду, что технари за это время что-то уже обнаружили.

Начальник лаборатории подвел нас к экрану одного из компьютеров, по которому транслировалась запись выступления террористов, и сказал:

– Вот, обратите внимание: освещенность фона пропорциональна удалению от объекта переднего плана. Направление тени полностью соответствует световому потоку...

– И что это значит? – не выдержал я.

– Это значит, что запись сделана в одной студии без какого-либо монтажа.

– Иными словами, она подлинная? – уточнил Валька.

– Не спешите, – начальник лаборатории как-то странно кивнул головой и подвел нас к другому компьютеру.

На его экране неподвижно застыли две ломаные линии, одна рядом с другой, словно ее зеркальное отражение.

– Вадим, дай увеличение, – обратился завлаб к сидящему за компьютером сотруднику.

Тот выделил курсором на обеих линиях по одинаковому фрагменту и развернул их на весь экран. Сразу стало понятно, что линии, хоть и похожи, но не совпадают. Совершенно не совпадают.

– Мы сравнили частотные характеристики акустических помех, проще говоря, шума, прямой речи террориста и транслируемого выступления иракского президента, – объяснил суть происходящего начальник лаборатории. – Как видите, они не совпадают.

– А это что значит? – вновь поинтересовался я.

– Здесь имеет место наложение фонограммы, сделанное уже после записи, – объявил завлаб. – Обыкновенный монтаж.

– То есть оператор сначала заснял выступление террориста, а затем на ту же пленку записали и речь Саддама?! – сообразил Валентин.

Начальник лаборатории утвердительно кивнул, но сказать ничего не успел, потому что в этот момент из установленного на стене громкоговорителя вырвался голос оперативного дежурного:

– Капитанам Федотову и Овчинникову срочно явиться к начальнику оперативного отдела!!!

Мы с Валькой понимающе переглянулись. Если Бондарев начал разыскивать нас по громкой связи, значит, произошло что-то чрезвычайно важное, требующее немедленных действий. Мы одновременно бросились прочь из лаборатории и, едва не столкнувшись в дверях, вылетели в коридор. Немного запыхавшись, мы спустя пару минут ввалились в кабинет к Бондареву. Он выглядел крайне озабоченным, и уже по первому взгляду на его сосредоточенное лицо я понял, что не ошибся насчет чрезвычайности случившегося. Однако первым делом Бондарев заинтересовался результатами нашей работы:

– Что вы выяснили о записи с ультиматумом террористов?

– Запись подлинная, а вот фонограмма речи иракского президента добавлена к ней уже позже, – быстро ответил Валька.

– Значит, все-таки монтаж? – уточнил Бондарев.

– В ОТО это подтверждают, – добавил к своим словам Валька.

– Тогда как вы объясните, что человек, внешне похожий на выступившего с ультиматумом террориста, только что прибыл в Шереметьево-2?

Лицо моего друга я не видел, но у меня самого, по-моему, глаза вылезли из орбит. Технари нам с уверенностью заявляют, что запись фальшивка, а террорист, расточавший перед камерой свои угрозы, прибывает в столичный международный аэропорт!

– Это действительно он? Ошибка исключена? – спросил пришедший в себя Валентин.

– С пограничного поста передали, что человек, имеющий очевидное сходство с интересующим нас лицом, в семнадцать ноль-пять прошел паспортный контроль. А террорист он или нет, пограничники, естественно, сказать не могут. Это придется выяснить вам. Подключить «наружку» мы не успеваем. Я, конечно, немедленно направлю в Шереметьево свободную бригаду, но когда она еще придет. Наш фигурант сейчас ожидает свой багаж и, если не везет с собой ничего противозаконного, то после прохождения таможенного досмотра в течение ближайшего часа беспрепятственно покинет аэропорт. Вам необходимо проследить за ним из Шереметьева, выяснить, куда он направляется, и установить его контакты. Если задача ясна, отправляйтесь на вертолетную площадку, там вас ждет дежурный вертолет. В аэропорту свяжитесь с начальником пограничного поста полковником Максимовым. Он оповещен о вашем прибытии.

– Есть, – хором ответили мы, но наш дружный ответ, по-моему, не очень-то поднял Бондареву настроение.

Во всяком случае, когда мы выходили из его кабинета, он смотрел нам вслед очень обеспокоенно.

Прежде чем бежать на вертолетную площадку, пришлось заскочить в наш кабинет, чтобы забрать из сейфов оружие и мобильные телефоны. Так как неременным условием наблюдения за объектом является скрытность, мы выбрали плоские «ПСМ»⁷ и незаметные под одеждой наплечные оперативные кобуры. Когда мы появились на вертолетной площадке, пилот прогрел двигатель вертолета, гоня винт. Едва мы запрыгнули в пассажирский отсек, он потянул на себя рычаг шаг-газа, и винтокрылая машина, ощутиمو вдавив нас в сиденья, взмыла в небо.

⁷ «ПСМ» – пистолет самозарядный малогабаритный калибра 5,45 мм.

12. Капитан Овчинников

Международный аэропорт Шереметьево-2, Москва, 11 марта, 17.50

Пилот посадил вертолет на краю летного поля, напротив авиационных ангаров. Еще во время посадки я заметил, что у здания аэровокзала стоят несколько наших «Илов» да пара зарубежных лайнеров: «Боинг» и «А-310». На одном из них, судя по всему, и прибыл в Москву интересующий нас субъект. Не дожидаясь, когда остановится вращающийся винт, я распахнул дверь пассажирского отсека и выпрыгнул на бетонку. Следом за мной из вертолета выбрался Валька. Со стороны ангаров, придерживая рукой фуражку на голове, чтобы ее не снесло поднятым воздушным вихрем, к нам быстро шел полковник пограничной службы.

– Вы из «Вымпела»? – подойдя к нам, первым делом поинтересовался он.

– Разрешите ваши документы, товарищ полковник? – проигнорировав вопрос полковника, обратился к нему Валентин.

Полковник недовольно хмыкнул, но все же достал из нагрудного кармана своего повседневного кителя служебное удостоверение и, раскрыв его перед Валькой, представился:

– Начальник пограничного поста Шереметьево-2 полковник Максимов.

– Капитан Федотов, – в ответ представился Валька, предъявив полковнику свои корочки и указав на меня, добавил: – Капитан Овчинников.

Полковник удовлетворенно кивнул головой, было видно, что он торопится, и быстро сказал:

– Давайте за мной. У нас мало времени. Пассажирам вот-вот начнут выдавать багаж.

Вслед за ним мы направились к ангарам, где стояла наша отечественная «Нива» в раскраске автомобиля аэродромных служб. Полковник открыл перед нами пассажирскую дверь. Мы с Валькой проворно забрались на заднее сиденье. Максимов уселся на переднее и приказал своему водителю:

– К аэровокзалу.

Не доехав до пронумерованных авиационных стоянок, на которых выстроились приземлившиеся в аэропорту самолеты, водитель остановил машину у дверей одного из служебных входов.

– Идите за мной, – бросил нам Максимов, выбираясь из машины.

Вслед за ним мы прошли в помещение, являющееся, очевидно, операционным залом. Здесь были установлены мониторы, на которые транслировалось изображение из различных уголков аэровокзала, в том числе и с мест выдачи багажа.

– Вот он, – объявил начальник пограничного поста и, ткнув пальцем в монитор, указал на мужчину, ожидающего в числе других пассажиров свои сданные в багаж вещи.

Человек ничем не выделялся в толпе пассажиров, да и узнать его было совершенно невозможно. Но вот сидящий за монитором оператор увеличил изображение, и я увидел знакомый продолговатый череп с двумя залысинами, открывающими высокий лоб. Не буду категорично утверждать, но человек, которого я увидел у секции выдачи багажа, был очень похож на террориста с просмотренной нами видеозаписи.

– Каким рейсом он прилетел? – глядя на монитор, поинтересовался у Максимова Валентин.

– Валетта – Москва в семнадцать ноль-ноль, – ответил начальник пограничного поста.

Валетта – это остров Мальта в Средиземном море. Ах ты, мальтийский сокол!

– И кем назвался? – задал новый вопрос Валька.

– При прохождении пограничного контроля предъявил паспорт на имя турецкого гражданина Сулеймана Оглу, цель визита в Россию указал стандартно – бизнес.

Слушая ответ Максимова, я продолжал смотреть на монитор и сразу заметил, что все пассажиры разом пришли в движение. Когда по моей просьбе оператор вновь уменьшил масштаб, стало видно, что началась выдача багажа. Наряду с самыми нетерпеливыми пассажирами Сулейман активно протискивался к ленте транспортера, на которой уже появились первые вещи.

– Он чем-то обеспокоен, – произнес у меня за спиной Валька.

– Сейчас таможенники обыщут его багаж, и все станет ясно, – предположил Максимов.

– Вот этого как раз не нужно! – быстро сказал Валентин. – Вряд ли он везет с собой что-то противозаконное. А обыск его только насторожит. Лучше ограничиться просветкой багажа. Причем подвергнуть этой процедуре следует всех пассажиров. У вас надежная система?

– Вполне, – начальник пограничного поста довольно усмехнулся. – Оружие, наркотики, любую взрывчатку – все выявляет.

– Любую? – недоверчиво переспросил я.

– Во всяком случае, все основные типы, – поспешил уточнить полковник. – Динамит, тротил, гексоген, даже твердый пластид.

Мы с Валькой понимающе переглянулись: помимо названных Максимовым взрывчаток, спецслужбы, да и террористы все чаще прибегают к менее распространенным, но не менее мощным взрывчатым веществам. Однако одновременно посетившая нас мысль о том, что расхваленная начальником пограничного поста система может оказаться не столь эффективной, не изменила Валькиных намерений.

– Так и поступим. Вы организуйте инструментальную проверку личных вещей всех прибывших с Мальты иностранных пассажиров, а мы будем наблюдать за ходом проверки из зала прилета, – объявил он свое решение. – Если обнаружите в багаже кого-либо из пассажиров что-то запрещенное, действуйте в соответствии с вашими правилами.

Договорившись с начальником пограничного поста о взаимодействии, мы с Валькой быстро прошли в зал прилета и смешались там с толпой встречающих, большинство которых составляли охотящиеся за клиентами таксисты. Чтобы держать под контролем всю линию таможенных терминалов, в зале нам пришлось разделиться. Перед этим Валька придержал меня за рукав и шепотом сказал:

– Он мог прилететь не один, поэтому присмотрись к остальным пассажирам.

Понятно. Мог бы и не уточнять. С того момента, как я увидел на экране монитора этого Сулеймана, меня не покидало ощущение, что где-то рядом с ним должны быть и два других террориста с просмотренной нами записи.

13. Прибытие

Шереметьево-2, Москва, 11 марта, 18.05

На ленте транспортера из багажного отделения выплыли первые вещи, и Ахмед облегченно перевел дыхание. И хотя вынужденное ожидание сданного в багаж чемодана создало дополнительный повод для волнения, вовсе не оно являлось причиной беспокойства террориста. Часовая задержка с выдачей багажа ровным счетом ничего не значила, так как могла объясняться занятостью аэродромных грузчиков, обслуживающих другие рейсы, отсутствием необходимого количества исправных электрокаров или автопогрузчиков, заполнением багажного отделения и еще множеством других причин. По-настоящему его обеспокоило поведение женщины из пограничной службы, проверявшей его паспорт. Даже не само поведение, а ее взгляд. Как она взглянула? Нет, не враждебно или испуганно, а скорее удивленно. Именно! Она удивилась. Причем не сразу, а спустя какое-то время. Она взяла в руки паспорт, начала его изучать, взглянула в лицо, чтобы сравнить фотографию, и... удивилась! Но что она могла заметить? Паспорт получен от Греймса, в нем не может быть никаких неточностей. Что же насторожило ту женщину: лицо, взгляд? Однако она возвратила паспорт, поставив туда штамп о прибытии. Как же все-таки поступить: подать бойцам сигнал о грозящей опасности или пока повременить? Абу с Омаром никаких сигналов не подают, значит, паспортный контроль прошли без осложнений и никакой опасности вокруг себя не замечают. Им проще: весь их багаж – спортивные рюкзаки, которые они брали с собой в салон. Они хоть сейчас могут выйти из аэропорта.

Увидев свой чемодан, выехавший на транспортере из багажного отделения, Ахмед прервал рассуждения и, протиснувшись сквозь толпу пассажиров, снял чемодан с движущейся ленты. Еще раз мысленно посетовав на то, что в российских аэропортах нет носильщиков, он, согнувшись под тяжестью, зашагал к зоне таможенного досмотра. Абуизид и Омар не помогли ему. Они выполняли более важную задачу – охраняли жизнь своего вожака.

В самолете все трое летели порознь, и с того момента, как заняли указанные в посадочных талонах места, уже не общались друг с другом. Никто из почти трехсот пассажиров вылетевшего с Мальты «Боинга» и понятия не имел, что трое мужчин характерной восточной внешности, сидящие в разных частях салона, объединены одной целью. Последовательность прохождения российской границы в аэропорту прибытия была определена еще перед вылетом и соблюдалась неукоснительно. Первым шел Абуизид, за ним следовал Ахмед, и замыкал тройку террористов Омар. В такой же последовательности все трое выстроились в очередь для прохождения таможенного досмотра.

Абуизид первым положил свой рюкзак на транспортер таможенного томографа и, добродушно улыбаясь, протянул сотруднику таможни свой паспорт с вложенной в него декларацией. Таможенник взглянул на экран своего аппарата, где, словно на цветном негативе, высветилось содержимое рюкзака улыбчивого араба, и, не заметив там ничего примечательного, шлепнул свою печать в поданную декларацию. Абуизид заискивающе улыбнулся сотруднику таможни и, миновав установку технического контроля, забрал с транспортера свой рюкзак и вновь повесил его себе на плечо. С беззаботным видом он направился к выходу из зала. Его сейчас же окружили московские таксисты, наперебой предлагая свои услуги. Террорист с видом глухонемого прошел мимо них, но, не дойдя до выхода, свернул к газетному киоску.

Ахмед внимательно наблюдал за своим боевиком и окружающими его людьми. Никто из толпившихся в зале прилета людей не пошел за Абуизидом, не проследил за ним взгля-

дом и вообще никак не выказал к нему своего интереса. Однако Ахмеда это мало успокоило. Заметно волнуясь, он поставил на транспортер томографа чемодан и следом положил свой кейс. Впрочем, испытываемое террористом волнение никак не отразилось на его лице. Ничего запрещенного к ввозу таможенник не обнаружил, что и зафиксировал штампом в предъявленной пассажиром декларации. Ахмед забрал у таможенника паспорт и декларацию, аккуратно снял чемодан с транспортера, повесил на плечо кейс-футляр с персональным компьютером и сделал еще один шаг к своей цели. Первый шаг по российской земле.

К нему тут же устремились таксисты, но он, как и Абуизид, игнорировал их настойчивые предложения. Никуда не сворачивая и нигде не задерживаясь, он миновал автоматически распахнувшиеся при его приближении двери и оказался на шереметьевской эстакаде, заменившей собой привокзальную площадь.

Выждав ровно минуту после того, как Ахмед покинул аэровокзал, Абуизид купил в киоске иллюстрированный журнал с обнаженной девицей на яркой обложке и, сунув его во внутренний карман своей кожаной куртки, вышел следом за вожаком. Спустя еще несколько минут через те же двери прошел Омар, также беспрепятственно миновавший таможду.

14. Овчинников

Шереметьево-2, Москва, 11 марта, 18.20

Валька взял на себя правую часть зала, мне досталась левая. Очередь выстроившихся на таможенный досмотр пассажиров, в которую встал Сулейман или как там его зовут на самом деле, оказалась примерно посередине между нами. Чтобы лучше видеть Сулеймана, я протиснулся в первые ряды встречающих, а чтобы мое нетерпение выглядело естественно, выбрал среди еще не прошедших таможенно пассажиров симпатичную девушку и приветливо помахал ей рукой. Девушка, естественно, не сообразила, что мой жест адресовался ей. А жаль – могли бы обменяться телефонами. Пришлось сосредоточить все внимание на Сулеймане.

Он стоял с совершенно невозмутимым видом и бесстрастно, я бы даже сказал, равнодушно смотрел перед собой. Такое лицо может быть только у человека, которому нечего опасаться. И я сразу понял: таможенный досмотр ничего не даст, так как проверки собственного багажа Сулейман несколько не боится. Документы его тоже в полном порядке, иначе бы он не прошел паспортный контроль. Предъявить ему в данный момент совершенно нечего, и, стало быть, для задержания, хотя бы с целью выяснения личности, нет никаких оснований. Не скажешь же ему, в самом деле, что он похож на террориста с видеозаписи, которая оказалась в нашем распоряжении. Значит, придется его водить, долго и упорно, пока он не даст нам свои контакты, которые и позволят установить, кем же он является на самом деле.

Валька был абсолютно прав, когда сказал, что в Москву Сулейман мог прилететь не один. И я, наблюдая, как тот медленно продвигается по очереди к таможенному терминалу, пытался отыскать среди пассажиров его сообщников. Вначале я самым внимательным образом приглядывался к окружающим его пассажирам. Пусто. Пожилая еврейская супружеская пара, две оживленно переговаривающиеся друг с другом женщины и стоящий за Сулейманом тучный мужчина, постоянно вытирающий платком потное лицо, конечно, не могли быть его сообщниками. Я быстро осмотрел всю очередь. Кроме самого Сулеймана, там оказался только один мужчина характерного восточного вида, одетый в бордовую рубашку, темно-коричневую кожаную куртку свободного покроя и черные брюки. Он как раз протягивал таможеннику свою декларацию. Никаких подозрений бордоворубашечник у таможенника не вызвал, так как тот, едва взглянув на его декларацию, шлепнул туда свою печать. Получив назад проштампованную декларацию, араб повесил на плечо рюкзак, который выехал на ленте транспортера из таможенного терминала, и зашагал к выходу. При этом он повернулся в мою сторону, и я смог как следует разглядеть его лицо. Простодушное лицо восточного крестьянина с довольно наивным и глуповатым взглядом. По сравнению с ним Сулейман выглядел как университетский профессор. Эти двое имели между собой настолько мало общего, что я решительно отверг возможность их знакомства. И все же поведение араба в бордовой рубашке меня насторожило, даже не поведение, а беспричинно возникшая на его лице глуповатая улыбка. Но когда я боковым зрением понаблюдав за ним, все стало на свои места. Не доходя до дверей, араб свернул к расположенному возле выхода газетному киоску и буквально впился взглядом в расставленные на витрине всевозможные эротические журналы. Что и говорить, подобная полиграфическая продукция является большой редкостью в мусульманских странах, а за ее распространение или даже просмотр можно запросто угодить в тюрьму. Поэтому молодой араб с похотливым взглядом, конечно же, не мог пройти мимо журнально-глянцевого великолепия всевозможных женских прелестей.

Пока он пожирал взглядом аппетитные формы журнальных красоток, Сулейман тоже прошел таможенный досмотр. Как я и ожидал, ничего запрещенного к ввозу среди его вещей таможенник не обнаружил. И Сулейман, кое-как неся здоровенный чемодан, двинулся к выходу. Обнаженные красотки на обложках мужских журналов, как, впрочем, и другая печатная продукция, его не заинтересовали, и Сулейман, не задержавшись в аэропорту, вышел из аэровокзала. Я перехватил Валькин взгляд, означавший «следуй за ним», и, быстро обогнув толпу встречающих, вышел из здания через другие двери. Сулейман со своим тяжеленным чемоданом не успел уйти далеко, тут я не ошибся. Но направился он не к стоянке такси, как я ожидал, а к остановке рейсового автобуса. Вот так сюрприз! Что это он: не доверяет нашим таксистам или предпочитает общественный транспорт?

Возле меня остановился Валька. По его лицу я понял, что он озадачен не меньше моего. Пронаблюдав за тем, как Сулейман встал в очередь на посадку, Валька достал трубку мобильного телефона. Я не видел, какой номер он набрал, но по разговору понял, что он соединился с полковником Бондаревым. Трудно понять, о чем идет речь, когда слышишь только одного из собеседников. Но я все же сообразил, что Валька интересуется: где машина бригады наружного наблюдения, которую Бондарев обещал направить нам в помощь, и как быстро она прибудет в аэропорт. Получив ответ, Валька спрятал телефон и кивнул мне головой в сторону автобусной остановки. Все ясно. Неторопливо пройдясь вдоль здания аэровокзала, я пристроился в хвост выстроившейся на остановке очереди.

Сулейман стоял метрах в десяти впереди меня. Он поставил свой чемодан на асфальт и выжидающе смотрел на автомобильную эстакаду. Теперь я мог как следует его рассмотреть. На нем был длинный светлый плащ, черный костюм, хотя я видел только брюки, и остроносые черные туфли. Все модное или, как сейчас принято говорить, стильное и очень дорогое. Вообще, Сулейман не производил впечатление привыкшего к скромности человека, который экономит деньги на такси. Тем более было странно, что сейчас он решил воспользоваться автобусом. Ага, вот и автобус. К остановке подкатил экспресс, и пассажиры дружно ринулись к его входу. Сулейман задержался лишь для того, чтобы поставить свой чемодан в открытое водителем автобуса багажное отделение, после чего довольно резво, несмотря на свой длиннополый плащ, взобрался в автобус. Мне даже пришлось проявить изрядную сноровку, чтобы не отстать от него. В автобусе Сулейман расположился на последнем ряду, где уже все места были заняты. Решив, что во время поездки он от меня никуда не денется, я уселся на свободное место в середине салона и, уже устроившись в кресле, увидел за два ряда сидений впереди себя того самого араба, который глазел на журнальных красоток. Когда же он успел подойти, ведь в выстроившейся на остановке очереди его не было? Не имея возможности следить за Сулейманом, я стал наблюдать за этим арабом, но ничего подозрительного или хотя бы примечательного в его поведении не заметил. Едва автобус тронулся, он достал из-за пазухи своей куртки сложенный вдвое журнал и принялся листать его, жадно всматриваясь в разбросанные по страницам фотографии полуобнаженных и совершенно голых девиц. Всю дорогу он пялился в купленный в аэропорту журнал, удивительно, как не протер в нем дыру своим взглядом, и закрыл его, только когда автобус остановился возле городского автовокзала.

На конечной остановке пассажиры стали покидать автобус. Я пропустил вперед себя Сулеймана и вышел следом за ним. Практически сразу возле меня оказался Валька. Слегка прикоснувшись к моему рукаву, он отошел в сторону и, когда я догнал его, быстро спросил:

– Как он себя ведет?

– Нормально. В контакт ни с кем не вступал. Чувствует себя спокойно. Я только не понял: почему он поехал на автобусе, а не на такси. Не похоже, что у него нет на это денег.

– Вот это и подозрительно, – заметил Валька. – Ладно, давай в машину. Отсюда я его поведу.

Он указал мне взглядом на приткнувшуюся к кромке тротуара серую «девятку», которая, очевидно, и была высланной нам в помощь машиной службы наружного наблюдения. Как я понял, Валька и приехал на ней. В машине оказались двое: водитель и пассажир рядом с ним. Я плюхнулся на заднее сиденье:

– Привет.

– Привет, – не поворачивая ко мне головы, ответил пассажир с переднего сиденья.

Я почему-то сразу подумал, что он и есть старший группы. Парни оказались не очень-то разговорчивы. Видимо, из-за того, что мы с Валькой взяли на себя их работу.

Сулейман, а вслед за ним и Валентин, скрылись в здании аэровокзала. Отлично представляя, сколько там сейчас толпится народа, я с беспокойством думал о Вальке. По себе знаю, как непросто вести наблюдение в такой толчее. Поведение же парней из «наружки» меня просто разозлило. Расселись, как перед телевизором, и пялятся в окна, вместо того, чтобы помочь моему другу. Еще пять минут, и я бы высказал им все, что о них думаю! Но тут Валька вышел из аэровокзала, а следом за ним на площади появился и Сулейман. На этот раз он напрямик двинулся к стоянке такси. Нет, все-таки странно он себя ведет: сначала автобус, потом такси. Сулейман легко договорился с первым же таксистом и, вручив ему свой чемодан, уселся в машину. Увидев, с каким трудом таксист ворочает чемодан, пытаюсь загрузить его в багажник, я понял, насколько тот тяжел. Наконец таксист уселся за руль. Тут мне поневоле пришлось отвлечься, потому что к нашей машине подошел Валька, да не один, а с незнакомой мне симпатичной девушкой в коротком песочном плаще! Эта девица что-то без умолку трещала ему на ухо и чуть ли не висла у него на руке. Мой друг открыл перед девицей дверцу, пропуская свою спутницу вперед. Мне пришлось проворно отодвинуться к противоположной двери, потому что эта деваха тут же юркнула в салон, словно это была ее собственная машина. Валька, как ни в чем не бывало, уселся рядом с ней. А старший группы наблюдения, словно и не было в машине посторонней девицы, приказал водителю:

– Давай за ним.

– Познакомься, это Женя Касаткина, – обратился ко мне Валентин, – наша сотрудница.

А я-то недоумевал, почему наружники расселись в машине, отпустив Вальку одного. Валькина спутница мило улыбнулась и протянула мне свою узкую ладошку:

– Евгения.

– Антон, – в ответ представился я и зачем-то, как идиот, добавил: – Капитан Овчинников.

– Очень приятно, товарищ капитан. – Женя улыбнулась еще шире и довольно крепко, для ее хрупкой ручки, обхватила мою ладонь.

– Как вел себя объект? – нарушил идиллию нашего рукопожатия старший группы наблюдения.

Женя тут же высвободила свою ладонь из моей руки и, повернувшись к начальнику, четко доложила:

– Пробыл в аэровокзале двенадцать минут, в контакт ни с кем не вступал, средствами связи не пользовался. Около трех минут изучал расписание рейсов в аэропорту Домодедово, сразу после чего покинул здание.

– Похоже, он как раз в Домодедово и едет, – подал голос водитель.

– Выясним, – буркнул в ответ старший группы, после чего в машине установилась тишина.

15. Прикрытие

Городской аэровокзал, Москва, 11 марта, 19.45

Машина, в которую сел Ахмед, выехала с площади и влилась в движущийся по проспекту автомобильный поток. Проводив такси обеспокоенным взглядом, Абуизид повернул к Омару свое недовольное лицо:

– Как ты мог отпустить его одного?

– Так пожелал амир, – невозмутимо ответил напарнику Омар. – Мы не вправе обсуждать его приказы. А он подал сигнал опасности и приказал нам ехать отдельно от него.

Они стояли на ступенях городского аэровокзала, чуть в стороне от входа. Мимо беспрерывно проходили люди, но никто из них не задерживался возле двух восточных мужчин, негромко переговаривающихся между собой. Сгустившиеся сумерки смазали черты их лиц, превратив из пакистанцев в представителей среднеазиатских или закавказских республик, которых в большом количестве всегда можно встретить на московском городском аэровокзале. Правда, язык урду, на котором общались бывшие пакистанские спецназовцы, не имел ничего общего с языками среднеазиатских и закавказских народов бывшего СССР. Но среди посетителей аэровокзала не оказалось знатоков языков, чтобы заметить это несоответствие.

– Какая опасность? Я не заметил никакой опасности, – пожал плечами Абуизид.

Омар не ответил. Ни в аэропорту, ни в автобусе, на котором они доехали до городского аэровокзала, он тоже не заметил ничего подозрительного. Но он верил своему вожаку и доверял его чутью, что и определило всю его дальнейшую последовательность действий.

– Мы не должны оставлять амира без охраны. Скорее найди машину, – приказал Омар своему напарнику.

Абуизид тут же спустился со ступеней и, пройдя вдоль выстроившихся вереницей частных такси, сунул голову в открытое окно старого «БМВ».

– Тачка на ходу? – перейдя на русский, спросил он у сидящего за рулем уже немолодого водителя.

– Куда ехать? – проигнорировав заданный ему вопрос, поинтересовался водитель.

– В Домодедово. – Абуизид широко улыбнулся, обнажив свои крупные белые зубы.

– Садись, – таксист кивнул на сиденье рядом с собой.

Абуизид обошел машину, но, усевшись на предложенное сиденье, обернулся назад и поднял фиксирующую кнопку на задней двери, за своей спиной. В машину тут же втиснулся Омар и, захлопнув за собой дверь, обратился к водителю:

– Только давай побыстрее, друг. На самолет опаздываем.

– Куда летите-то? – Водитель вывел машину с площади и выехал на Ленинградский проспект.

– В Баку, – ответил с переднего сиденья Абуизид и, немного подумав, добавил: – Домой.

Легенда не отличалась изобретательностью. Когда три года назад Абуизид и Омар переходили азербайджано-чеченскую границу, то решили при встрече с российскими пограничниками выдавать себя за азербайджанцев. В разговоре с таксистом Абуизид не стал выдумывать ничего нового.

– Вон оно как. – Водитель «БМВ» покачал головой. – Домой, значит. А то нынче ваши все в Москву норовят.

– Поезжай быстрее, друг, – вновь обратился к водителю Омар. – И если можно, без разговоров. Мы спешим.

– А когда самолет-то? – все же поинтересовался водитель.

– Скоро, – неопределенно ответил Омар.

Таксист пожал плечами и до самого аэропорта больше не произнес ни слова. Как только он остановил машину, Омар сунул ему в руку заранее приготовленные деньги и, словно из десантного люка, выпрыгнул из машины. Через секунду к нему присоединился Абуизид, и оба стремительной походкой направились к аэровокзалу. Водитель «БМВ» проводил их оценивающим взглядом. Заплатили хорошо, не поскупились. И чего они ему не понравились? Таксист выбрался из машины. Возвращаться порожним в Москву не хотелось, и он решил задержаться в аэропорту в надежде найти себе новых пассажиров.

Войдя внутрь аэровокзала, Омар быстро сориентировался по указателям и направился к авиационным кассам. Следом, отстав от напарника на пару десятков метров, шел Абуизид. Он вновь изобразил на лице простодушную улыбку, которая позволяла с беспечным видом смотреть по сторонам. Омар первым вошел в кассовый зал и сразу увидел Ахмеда. Тот стоял там, где они и условились, напротив вывешенного на стене расписания рейсов. Сумка на длинном ремне вновь висела у Ахмеда на левом плече – сигнал того, что он запрещает подходить к нему. Шахид остановился: если амир сигнализирует об опасности, он во что бы то ни стало должен ее обнаружить! Народу в кассовом зале было немного: к каждому окошечку стояло не более десятка человек. Велев Абуизиду встать в одну из очередей, Омар принялся внимательно осматривать выстроившихся за билетами пассажиров.

Тем временем Ахмед, зафиксировав нарочито равнодушным взглядом появление в зале своих боевиков, поднял с пола свой чемодан и направился к ближайшей кассе. Он не видел конкретной опасности, но подозрительное поведение женщины из паспортной службы московского международного аэропорта по-прежнему не давало ему покоя. Именно поэтому Ахмед заставил своих боевиков добираться до Домодедова самостоятельно и даже сейчас не разрешил подойти к себе.

Внезапно взгляд Омара остановился на молодом мужчине, о чем-то оживленно беседующем с молодой девушкой в коротком приталенном плаще. Даже на значительном расстоянии Омар разглядел, что девушка красива. У нее была стройная, подтянутая фигура. Сужающийся на поясе плащ подчеркивал ее узкую талию, а облегающие полусапожки открывали мускулистые икры. Однако не девушка, а ее спутник приковал к себе внимание боевика. Омар вспомнил, что уже видел этого мужчину возле городского аэровокзала, а перед этим в зале прилета шереметьевского аэропорта среди встречающих. Причем тогда он был один, без своей нынешней спутницы. Один и тот же человек, встречающийся подряд уже в третьем месте, не мог не насторожить боевика. И все же своим поведением он не походил на шпиона. Мужчина смотрел в противоположную от амира сторону и, казалось, ничем, кроме своей спутницы, не интересовался. Та же продолжала свой рассказ, при этом мило улыбаясь ему.

В этот момент к очереди, расположенной как раз между амиром и подозрительной парой, подошла шумная компания молодых людей с объемными и, судя по всему, тяжелыми сумками. Они поставили сумки на пол и, сбившись в кучу, принялись о чем-то громко разговаривать, сопровождая свою речь энергичными жестами. Омар мысленно отметил, что подростки закрыли Ахмеда от подозрительного мужчины и его спутницы. Но девушка вдруг притянула мужчину к себе и при этом чуть сместилась в сторону, так что стоящий в очереди за билетами Ахмед вновь оказался у нее перед глазами. Омару все стало понятно: и девушка, и ее спутник являлись врагами, вознамерившимися помешать их великому делу. Омар сейчас же повесил свой рюкзак на левое плечо, продублировав тем самым поданный Ахмедом сигнал опасности, и, специально попавшись на глаза Абуизиду, вышел из кассового зала.

Рядом с кассовым залом располагался просторный зал ожидания, почти полностью заполненный пассажирами. К их услугам в зале имелись всевозможные мелкие кафе, а также множество киосков и павильонов, торгующих самыми разнообразными товарами. Омар

быстро прошелся вдоль ряда киосков, цепко выхватывая взглядом разложенные на витринах предметы, и наконец нашел то, что искал. На застекленном прилавке одного из киосков в ряд лежало около десятка различных туристических ножей.

– Фабричные? – Омар ткнул пальцем в ножи.

– Обижаешь! – Щуплый продавец с выпирающим острым кадыком развел руками. – Сертификат качества, даже паспорт, чтобы милиция не придиралась, – все имеется.

– Я возьму два таких, – Омар вновь ткнул пальцем в понравившийся ему нож.

– У меня только по одному, – продавец виновато скривился.

– Тогда этот и этот, – Омар указал на два соседних ножа с массивными рукоятками и похожими остроконечными короткими, но широкими лезвиями.

По мнению продавца, выбранные ножи были не самыми лучшими. Из-за специфической формы своих лезвий они вряд ли могли пригодиться на охоте или во время туристического похода. Однако покупатель не производил впечатления человека, не знающего, что ему нужно, поэтому продавец, оставив при себе свое мнение, вручил ему выбранные ножи. Насчет покупателя он не заблуждался. Омар действительно знал, что ему нужно, как и то, что ножи с короткими остроконечными лезвиями являются чрезвычайно эффективным оружием ближнего рукопашного боя.

Заткнув один нож за пояс брючного ремня и прикрыв его полой своей куртки и завернув второй в носовой платок, Омар двинулся в обратную сторону. Вернувшись в кассовый зал, он подошел к стоящему в очереди Абузиду и вложил ему в руку завернутый в платок нож.

– Мужчина и девушка. Я покажу, – на родном языке произнес он.

Ощувив сквозь ткань платка холодную ножевую сталь, Абузид сразу все понял и чуть прикрыл глаза в знак согласия.

– Я сейчас вернусь, – обратился он по-русски к стоящему за ним мужчине в пальто и шляпе и, выйдя из очереди, направился за Омаром.

16. Овчинников

Столичный аэропорт Домодедово, 1 марта, 21.30

Увидев, как старший группы наблюдения вышел из дверей домодедовского аэровокзала и зашагал обратно к машине, я вопросительно уставился на него. Очевидно, заметив недовольство в моем взгляде, он, как только уселся в машину, сразу повернулся ко мне:

– Объект остановился в кассовом зале. Сейчас там мало людей, и ваш товарищ решил, что справится без моей помощи.

– И вы оставили его одного?! – возмутился я. – А если объект перейдет в другой зал, где пассажиров гораздо больше?! Что тогда?!

– Успокойтесь, – с ноткой снисхождения, словно взрослый, разговаривающий с ребенком, ответил мне старший группы наблюдения. – Во-первых, ваш друг не один. Прапорщик Касаткина опытный сотрудник и при необходимости поможет ему. К тому же, у капитана Федотова есть мобильный телефон, а у Касаткиной – рация, они в любой момент могут затребовать дополнительную помощь. Так что, вместо того, чтобы слоняться в полупустом зале на глазах объекта, нам действительно лучше оставаться в машине.

Старший наблюдателей привел очень убедительные и абсолютно логичные доводы. Первое правило наружного наблюдения – скрытность. Поэтому никто не ходит толпой за объектом в полупустом помещении. Но сейчас начальник группы наблюдения был не прав. Я не мог объяснить почему, но я это чувствовал! И еще я почувствовал, что Вальке угрожает опасность. Наверное, с того момента, как в Грозном, во время захвата чеченского снайпера, он спас меня от пули боевика, между нами установилась незримая связь. И сейчас по этой линии связи до меня дошел сигнал тревоги.

– Хорошо, можете оставаться, а я пойду к нему! – довольно резко ответил я начальнику группы наблюдения и быстро, чтобы не слушать его возражений, выбрался из машины.

В домодедовском аэропорту я не был довольно давно – не возникало повода наведаться сюда. Однако благодаря вывешенному на стене плану аэровокзала я быстро разобрался, где находится кассовый зал. Пройдя через соединяющиеся залы ожидания и регистрации, я оказался перед входом в кассовый зал и сразу увидел Вальку. Он стоял напротив Жени и с беззаботным видом слушал ее ничего не значащую болтовню, являющуюся такой же маскировкой, как старательно изображаемый вид влюбленной подруги. Отлично, раз мои друзья в зале, значит, и Сулейман тоже находится здесь. Где же он? Я повел взглядом из стороны в сторону и... буквально застыл на месте.

С разных сторон к Вальке и Жене стремительно приближались двое мужчин. Они зашли Вальке из-за спины, поэтому он не замечал их. Их должна была увидеть Женья, но, очевидно, увлекшись наблюдением за объектом, не обратила внимания на идущих по направлению к ней незнакомцев, в одном из которых я спустя мгновение узнал любителя журнальных красоток, прилетевшего одним рейсом с Сулейманом. Сейчас на его лице уже не было той глуповатой улыбки сельского жителя, которая запомнилась мне в шереметьевском аэропорту. На этот раз его прищуренные глаза пылали огнем и ненавистью. Я не смог увидеть лица второго человека, так как он двигался, повернувшись спиной в мою сторону, но готов был поклясться, что выражение его лица не отличается от лица его напарника. Их намерение тоже не оставляло сомнений. Я столько раз на тренировках и в реальных операциях снимал часовых, что уже на уровне мышечной памяти знал, что означают эти тигриные движения, нацеленный вперед корпус и чуть отведенная назад для замаха рука, в которой должен быть нож!

– Валька, сзади!!! – что есть силы закричал я, одновременно разрывая замок своей ветровки и судорожно просовывая руку к наплечной кобуре.

И в этот момент неизвестный, у которого я видел только спину, сделал стремительный выпад вперед. В его правой руке, которая еще мгновение назад была пуста, блеснуло стальное лезвие. И он, завершая движение своего тела, выбросил эту руку вперед и вонзил клинок Вальке в шею.

Пистолет уже был в моей руке, но между мной и убийцами находились стоящие в очередях к билетным кассам пассажиры. Они закрывали от меня убийц и не позволяли использовать оружие. По-моему, они даже не заметили, что произошло. Размахивая пистолетом, я бросился сквозь эту толпу к моим друзьям, надеясь помочь Вальке и спасти Женю. Происходящее перед собой я видел словно в замедленном темпе. Но этот темп опережал скорость движения моих ног.

Убийца, у которого я так и не разглядел лица, выдернул лезвие ножа из шеи моего друга. Из раны фонтаном брызнула кровь, а Валька, Валька повернулся ко мне и на подгибающихся ногах начал заваливаться набок. Террорист, всадивший в него нож, отскочил куда-то в сторону. Я потерял его из вида, потому что прямо перед собой увидел побледневшую от ужаса Женю, а возле нее уже знакомого мне араба в коричневой кожаной куртке с выставленным перед собой ножом. Изрыгнув какое-то проклятие на своем языке, он ринулся на девушку. Женя отпрянула назад и, как могла, попыталась защититься от бросившегося на нее убийцы. Она наверняка имела при себе пистолет. Но где: в своей дамской сумочке или под плащом, в оперативной кобуре? Когда время исчисляется даже не секундами, а их десятками или сотыми долями, оружие, которое находится не в руке, остается одинаково недостижимым. Женя выставила перед собой руки, но убийца легко пробил ее слабый блок. Остроконечное лезвие его ножа рассекло ладонь девушки и исчезло в складках ее плаща. Убийца дернул рукой назад, и я вновь увидел зажатый в кулаке нож, только теперь его окровавленное лезвие уже не отливало стальным блеском. Я заскрежетал зубами от отчаяния, видя, как падает на бетонный пол Женя, а бандит бросается к противоположному от меня выходу из зала.

Наблюдавшие жуткую картину пассажиры подались назад, невольно образовав кольцо вокруг моих лежащих на полу друзей. Но между мной и бегущим к выходу убийцей по-прежнему находились несколько человек. Я поднял пистолет стволом вверх и дважды выстрелил в воздух, а затем закричал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.